

Андрей

Воронов-Оренбургский

ФАТУМ

ТОМ ВТОРОЙ

КРОВЬ НА ШПОРАХ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том второй.

Кровь на шпорах

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Воронов-Оренбургский А. Л.

Фатум. Том второй. Кровь на шпорах / А. Л. Воронов-Оренбургский — «ЛитРес: Самиздат», 2001

ISBN 978-5-532-07456-9

1815 год. В результате революции в Мексике русско-американским колониям грозит война. В Калифорнию отправляются два посланника – из Мадрида и Санкт-Петербурга. Каждый из них везёт секретные директивы, способные предотвратить нарастающий конфликт. Но вмешиваются третьи силы и гонцов подкарауливает смертельная опасность на каждом шагу. «Фатум» продолжает традиции старых добрых романов, насыщенных событиями, географическим размахом путешествий, калейдоскопом ярких персонажей. Роман, где история и приключения органично друг друга дополняют. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07456-9

© Воронов-Оренбургский А. Л., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Часть 1. Староиспанский тракт	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	41
Глава 16	44
Глава 17	46
Глава 18	49
Глава 19	52
Глава 20	55
Часть 2. Кровь на шпорах	58
Глава 1	58
Глава 2	61
Глава 3	62
Глава 4	64
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том второй. Кровь на шпорах

России посвящается

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленной Аляски.
С. Марков. «Предки»*

Часть 1. Староиспанский тракт

Глава 1

Монтуа стоял на коленях перед распятием в своем кабинете и горячо молился. Его пальцы с такой силой сжимали агатовые четки с кистями, что казанки побелели, точно у покойника. Подавшись всем корпусом вперед и надломив по-птичьей шею, генерал иезуитов единым взором устремился к фигуре Манфerratской Девы Марии, что стояла на пьедестале рядом с распятием. Он будто кошунствовал над ее печальным ликом, столь ликующим и дерзким был его ястребиный взгляд.

Мерцающий сумрак, царивший в монастырских стенах, слабо горящие редкие свечи освещали фигуру траурно, зловеще. Скупая мебель: рабочее бюро, тяжелые средневековые лавки, книжные стеллажи в залежах пыльных фолиантов с потемневшими переплетами – еще пуще прорисовывали угрюмость и неуютную холодность этой молельни. От нее неуловимо сквозило ушедшей в века инквизицией, пыточным казематом с испанскими сапогами и воронками для расплавленного свинца, что заливался в рот бесноватым колдунам и ведьмам.

С противоположной стены на согбенного монаха строго взирал портрет Игнатия Лойолы – великого католического стойка, вдохновенного отца-основателя Ордена Иисуса. Можно было даже уловить сходство между Лойолой и Монтуа. Сам генерал отлично знал сие обстоятельство и в тайниках души премного этим гордился, стараясь и в жизни ревниво повторять великого предшественника. Он немилосердно истязал себя молитвой, спал на голом полу, питался ключевой водой и черным, что земля, крестьянским хлебом, и так же, как Игнатий Лойола, шесть раз в сутки стегал себя железной цепью. И наступило время, когда монахи открывали рты и склоняли головы, дивясь Монтуа, как в свое время дивились остервенелому фанатизму Лойолы.

Три большие латинские буквы *I. H. S.*¹ были искусно вышиты золотом на черном поясе молитвенника. Двести восемьдесят лет назад в день праздника Вознесения Пресвятой Марии на вершине Монмартра, в подземелье часовни Святого Дионисия, свершилось посвящение первых иезуитов. И тогда пророческая рука Лойолы начертала на алтаре три эти буквы.

Не было на земле места, куда бы в дальнейшем не протянулась рука священного Ордена. С длинными бородами, в грубых балахонах и кожаных шляпах, они путешествовали по Северу России, в стране льда и ночи. В пестрых халатах китайской аристократии иезуиты были мандаринами – советниками императорской династии в Небесной империи.

Орден Иисуса подвинул Римскую церковь живее и шире плести свою сеть в Новом Свете. В авангарде оказались преданные последователи, праправнуки легендарного Игнатия Лойолы.

Мир лишь дивился и разводил руками: иезуиты за одно лишь столетие свершили для Ватикана более, нежели прочие монашеские ордена за все времена вместе взятые!

...Истекли долгих три часа. Свечи почти прогорели. Монтуа медленно поднялся с колен, поправил камилавку и, кроя сумрачную пустоту кабинета своим черным торжественным одеянием, направился к безмолвно ждущему креслу. Сел и замер, всматриваясь в бесстрастное лицо своего кумира. И казалось, на бескровных губах бискайского святого промелькнуло подобие легкой улыбки, а беззвучный голос протянул сквозняком: «*Dies irae*² грядет, сын мой.

¹ I.H.S. – Иисус людей Спаситель (лат.).

² *Dies irae* (лат. «День гнева») – первые слова покаянного гимна, исполняемого в католической церковной службе.

Готовься! Но будь бдителен... *Entre chien et loup...*³ *Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur...*⁴ Держись вице короля и помни: дорогу осилит идущий. *Credo, credo, credo. Dixi*⁵.

Генерал Монтуа неподвижно восседал в кресле, похожий на огромного грифа. «Да, тяжелые времена настали для нас. Почти вся Вест-Индия не благоволит к Ордену».

Странствующим миссионерам братства отказывали даже в ночлеге. Голодные, завшивленные, сжигаемые палящим солнцем, побитые ветрами и ливнями, страдая от гноящихся язв, подвергаясь опасности, они шли своим путем, презирая награды и почести, полные какой-то непостижимой тайной гордыни. Люди простые и доступные, они были хранителями неистощимого терпения, ибо для каждого из них вечное свершалось ежедневно.

Потухшие глаза генерала вспыхнули студеным огнем, сухая плоть взялась ощущением силы и стальной крепости. С одержимостью идущего на Голгофу он изрек:

– Клянусь всеми небесными святителями: мы заставим мир снять перед нами шляпу. Короли управляют человечеством, а Орден будет управлять королями. *Alea jacta est!*⁶ *Divide et impera*⁷. Да будет так. Амен.

Тусклые блики свечей скользили по впалым пергамент-ным щекам, вонзившиеся в резные подлокотники персты словно срослись с инкрустированным деревом, губы сомкнулись в бритвенную щель.

Сегодня монах, как и обычно, молился за *Dios, Patria, Rey* – Бога, Отечество и Короля! Также он иступленно просил Христа вдохнуть силы в брата Лоренсо, сподобить его на свершение задуманного.

³ *Entre chien et loup* – трудно в сумеречье отличить собаку от волка (лат.).

⁴ *Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur...* – От согласия малого дела растут, от несогласия и большие распадаются (лат.).

⁵ *Credo, credo, credo. Dixi.* – Вера, вера, вера. Я всё сказал (лат.).

⁶ *Alea jacta est!* – (лат. «Жребий брошен!») – восклицание Юлия Цезаря при переходе через Рубикон.

⁷ *Divide et impera* – (лат. Разделяй и властвуй) – правило, высказанное Макиавелли, бывшее девизом Людовика XI и Екатерины Медичи.

Глава 2

Брызнули серебром спесивые аккорды, встрепенулись струны кудрявым гривьем и понеслись в галоп под перестук кастаньет и звонкий голос Терезы.

*Где вольный дух живет,
Где танец не умрет,
Где огненные страсти и поныне,
Где солнце не для всех,
Где даже думать – грех,
Где не было свободы и в помине?!
Где воспевают честь,
Где ненавидят лесть,
Где труса нету ни в отце, ни в сыне,
Где льется наша кровь,
Где есть ещё любовь?!
Конечно, ну конечно, в Сан-Мартине!*

Пестрые группы мужчин и женщин двигались в танце, дробно выстукивая каблуками, с дерзким вызовом уперев руки в бока, при дружных хористых выкриках. Два ряда образовали живой, сверкающий взглядами коридор. И по этому коридору, где в кофтах дешевого шелка хлопала груди, где мелькали бесстыжие ляжки, пестрые подвязки и грязные кружева панталон, горящим факелом двигалась она. Черными языками пламени сыпались пряди волос, летели по воздуху, высекая искры. Трепетало, вспыхивая в изломах складок, пурпурное платье; лоснились маслом смуглые плечи. Тереза то отбивала такт кастаньетами, то дарила улыбки беззаботно и пылко, то вдруг гневалась не на шутку, заломив руки и распутив пальцы веером... А ноги, не зная покоя, не прекращали безумного ритма огненного фламенко.

– Madre de Dios! Mira, que Bolito!⁸ – против воли сорвалось с губ братьев Гонсалес, когда они вместе с господином переступили порог.

«Бог знает, сколько в ней позы, игры, искусственно-сти?... Но маска это или нет – неважно, она само...» – Диего закусил губу. Ее возможно было принять и за игривую девчонку, если б не красота – со знойным запахом плоти, которая, как и грех, всегда вне возраста и вне времени.

На новых гостей никто не обратил внимания, никто не приподнял шляпы, не предложил хлеба и вина, ни-кто... кроме востроглазой хозяйки. Сильвилла с полувзгляда определила, что их душло, пропахшее чесноком и пивом, осчастливил настоящий идальго. Завидующие глаза враз просчитали, какие пиастры, дублоны⁹ и кастельяно водились в его кошельке. Толкнув мужа, обо всем позабывшего в этой цветастой кипени, она цыкнула на него и указала пальцем на двери. Старик присел в коленях; его черные глаза стали еще пуще чужими, взятыми в долг; щеки надулись, будто он держал во рту пару куриных яиц. Антонио тут же приосанился, напустив на себя пинту-другую важности, рука браво откинула за плечо по-лосатое серапе, где за широким ремнем был заткнут пугающих размеров хлеборез. Брызгая слюной, он проорал что-то жене и плюхнулся в толчею навстречу важному гостю.

⁸ Madre de Dios! Mira, que Bolito! – Матерь Божья! Посмотри, какая красота... (лат.).

⁹ Дублон (фр. doublon от исп. doblon) – золотая монета, принятая в Испании, Португалии, Франции и Америке. Один дублон равен 17 пиастрам.

Дон едва заметно кивнул головой слуге, и Мигель занялся поисками свободного стола. Гонсалесы с двух сторон закрыли своими плечами господина, хмуро оглядывая переполненный зал: не надо ли кому вложить ума. А наступающую ночь продолжали стеречь веселье и танцы. Они подгоняли ее, заблудшую и одинокую, к воротам зари бичами агуарденте и шпорами хохота. И в каждом бое сердец и гитарных струн, в каждом повороте голов и ударе каблука был свой потаенный мир: оскома страданий и неразделенный груз любовных мук, вкус голода на обветренных губах и соль жажды, горечь обид и побег надежды, умоляющий крик и бесстыжие стоны любви...

Тереза теперь танцевала румбу, раскачивая бедрами, и грудь ее колыхалась как волны. Голос звучал свежо и страстно:

*Хочу быть вольной чайкой в небесах,
Хочу летать в просторе над волною!
А в клетке чайка гибнет на глазах,
Пусть будет клетка даже золотою!*

Грянул дружный выкрик, и сотня каблуков единым грохотом сотрясла пол.

Тереза, слегка опьяневшая и возбужденная, под треск кастаньет и маракасов проигрыша прошла туда-сюда, презрительно стряхивая оголенными плечами мужские взгляды. Сеньорита подхватила пышный подол и, сверкнув глазами, в два счета запрыгнула на стол. Кружки с бутылками полетели из-под ее тувель, а голос вновь зазвучал среди вина и дыма:

*Когда алмазы звезд блестят во тьме,
Когда пришла прохлада,
Когда уснули чайки на волне,
О, как мне верить надо:*

*Что сердце друга в тишине ночной
В груди, как птица раненая, бьется!
Что не найдет его душа покой,
Пока дорога наша не сольется!*

– Почтенные гранды! Если я вижу вас с оружием в это время и здесь... Ой, сеньоры, чтоб мне висеть на суку, не желуди вы сюда приехали собирать! – Початок с радостью заключил перчатку майора в свои ладони. – Тысячу извинений и фургон покаяния. Спустите старику Муньюсу его слепые глаза и глухие уши. Сильвилла! Прошу любить и жаловать – вот они, Четыре всадника Апокалипсиса! Скорее усади благородных сеньоров и угости их лучшим, что у нас есть!

Жирная холка Сильвиллы мелькнула за пестревшим бутылками и всякой снедью прилавком. Бросая искоса настороженные взгляды на усевшихся у очага путников, она поставила перед ними единственное в доме столовое серебро.

– Божество мое, – проникновенно, так, чтоб слышали гости, обратился Антонио к жене. – Сегодня у нас празд-ник! Нашу скромную обитель облагодетельствовали такие люди!.. А посему, – Початок скорбно закатил глаза, – я приказываю тебе, жена моя, принести из погреба лучшие вина, зажарить четырех каплунов и раздобыть и подать орехового масла с хрустящей мокекой.

Антонио многозначительно посмотрел на сидящих за грубым столом гостей, почесал живот, нависавший тяжелым полушарием, и сказал:

– Не бойся, дорогая, сделай поторжественней лицо, я подсоблю тебе в этом.

Сильвилла фыркнула, привычно, как перед боем, засучивая рукава:

– Ну-ну, уж я представляю, как ты будешь корячиться из погреба с корзиной. Свое брюхо, и то не в силах носить!

– Я помогал бы тебе советом! – ничуть не смутившись, с достоинством парировал он.

– Ладно уж, сиди... и развлекай уважаемых гостей, – как от мухи, отмахнулась жена.

– Ну как она вам, сеньоры? – трактирщик кивнул в сторону уходящего «сокровища». – Правда, мила? Да и башкой варит шустро – моя выучка. Слово даю, сеньоры, ее руки не боятся делать такое, отчего любого мужика...

– Спасибо. – Мигель пожал Початку руку, и на мгновение тому показалось, что сейчас костяшки его пальцев треснут. – Ты расскажешь это нам, когда тебя спросят, амиго.

– Si...¹⁰ Si, сеньоры. Само собой... Как скажете...

Слуга дона отпустил болезненно улыбнувшегося толстяка и вместе с другими поднял кружки.

Немного обиженными и крепко налитыми вином глазами Початок оглядел гудящую таверну, очаг, где под тяжелыми вертелами и медными жбанами плясало пламя и по-трескивали дрова.

«...Бог знает, куда уже успела запропасться чертова девка... Ох, Тереза!.. Нет чтоб помочь матери и отцу, всё только хвостом вертишь...»

Из хмельного раздумья папашу Муньоса вывел окрик Фернандо. Пузан встрепенулся: дон властно манил его пальцем.

¹⁰ Si – да (исп.).

Глава 3

– Вот что, приятель, – негромко, вполголоса начал майор, когда тот пугливо опустился рядом на широкую скамью. – Меня зовут дон Диего. Мне нужен толковый возница, карета и лошади... Ну как? Быть может, у тебя есть что-нибудь на примете?

Сердце мексиканца захолонуло от восторга. «Как?! Этот благородный сеньор назвал меня своим «приятелем»?!» – Антонио пылливо, с недоверием поглядел на андалузца. Тот смотрел на него с особым, располагающим вниманием. Подвоха толстяк не чувствовал. Замерев, он прислушивался к частым ударам сердца, – и только догадывался, вернее чувствовал, что разговор этот каким-то боком дол-жен изменить его жизнь.

«Вот черт! – стучало внутри. – Воистину он колдун – эшу. Сказал пару слов, а я уже того, как мед на солнцепеке».

– Может, и есть, – растягивая слова, ответил наконец Муньос и облизнул губы. – Этому дому, – он сделал широкий жест рукой, – двадцать лет! Но клянусь хвостом Пернатого змея¹¹, в нем никогда не говорили о делах с таким грандом, как вы, сеньор.

– Значит, я буду первый. Хочешь пари?

– О чем вы, дон, я поверил вам с двадцать пятого слова...

– Тогда о деле: найдешь возницу-проводника?

Торговец задумчиво почесал свою плешь и ободрал заусеницу:

– Ну взять хоть Хосе Прищепку. Он ко всякой твари разумение имеет... Его даже ослы слушаются – просто лошадиный бог. Я, конечно, не знаю ваших дел и предпочитаю не знать их, сеньор, но хочу предостеречь вас... Не в лучшее время вы приехали, ой, не в лучшее... – толстяк покачал головой и зевнул. – Вот было бы лучше...

– Будет лучше, если ты ответишь на мой вопрос, плут! – усы Диего недобро дрогнули. – Я и так в своем теле таскаю немало свинца, дьявольски устал, а ты мне морочишь голову!

– Простите, сеньор. Я не хотел. У вас от меня, похоже, нос чешется?

– Ты у меня с утра, как шип в сапоге.

– Понял! – Початок проворно царапнул свой сизый баклажан. – Один лишь вопрос... А далеко ли собралась катить ваша милость?

Рукой в перчатке испанец взял торгаша за двойной подбородок.

– Смотри мне в глаза. Веди себя тихо и смиренно... Малейшая блажь – и мои люди... Ты понял?

– Да, мой сеньор, – просипел Муньос, робко пытаясь высвободить подбородок из замшевых тисков.

– Вот посмотри, – де Уэльва ткнул в пожелтевшую карту. – Сюда.

Початок присвистнул, покачав головой.

– Ну и ну! Это что ж получается... в саму Калифорнию, что ли?

Дон кивнул.

Муньос поскреб смоляную щетину. В мясистом ухе у него ярко блеснул кастельяно на короткой золотой це-почке.

– А ведь, пожалуй, это дельце будет не по плечу Хосе: старый хрыч по дороге, как пить дать, протянет копыта. Вот если Ансельмо Гусак возьмется...

– Смотри, хитрюга, – майор пригвоздил взглядом толстяка. – Этот человек должен быть честный католик.

– Хм, тогда Фарсало Плюшевый из Гласкалы. В меру смелый и надежный...

¹¹ Пернатый змей – мифическое божество древних ацтеков.

– Не пьяница?.. Клянусь честью, обижен никто не будет. Обещаю платить по два пиастра¹² в неделю.

Антонио от этих слов едва не поперхнулся. Нос покрылся потом волнения, щека нервно дернулась. «Два пиастра, ведь это же... Это, считай, что шестнадцать реалов... сто сорок четыре кондорина... двести сенсов!»

– Извольте шутить, ваша милость? – сказал Муньос и испугался. Четыре пары глаз дырявили его лицо.

– Запомни, мерзавец! – дон говорил спокойно, но в каждом слове ощущался гнев. – Есть две вещи, по поводу которых дворянин никогда не шутит: честь и месть. Сейчас у меня нет времени, а жаль... Я б занялся твоим воспитанием. Ну, как насчет двух пиастров в неделю?..

– Храни вас Господь! Вы еще спрашиваете! Да за такие сокровища вы, сударь, можете купить всю эту шайку с потрохами и всем ее барахлом.

– О нет, милейший, – Диего весело рассмеялся. – Людей у меня и своих, как видишь, хватает. Мне нужен только один человек, и, я надеюсь, ты уже понял, какой?

– Чума на мою голову! Простите мой болтливый язык, но то, что вы задумали, пахнет могилой!

– Брось пугать, – встрял в разговор Мигель. – У нас в Андалузии на каждом перекрестке ножи и пистолеты... Но все уже давно привыкли к этому и, право, не обращают внимания на бандитов. Разве что когда ссудят им, как нищим, немного денег на выпивку и табак.

– И всё же, я думаю, вам будет нелегко найти такого козла. Кому охота совать свою башку в пекло, нынче ведь всюду кровь. Туда только нырни – ого-го... не вынырнешь! Не-ет, сеньоры, клянусь своим домом, никто не отправится с вами за всё золото мира.

– Черт возьми! – андалузец хрустнул новой сигарой. – Скажи, могу ли я надеяться, что мы найдем туда дорогу одни?

– Одни? – мексиканец выпятил нижнюю губу и хмыкнул. – Одни – никогда.

– Вот как?

– Но с моей помощью, возможно, сеньор. Только знающий старожил сможет помочь вам обойти все ловушки. И этот человек – я. Едва увидев вас, я сказал себе: Антонио, рядом с этим господином не страшно и встретить дьявола! Вы не найдете более честного и преданного слугу, сеньор.

– Но и такого же болтуна! Мне нужен стоящий проводник-возница, а не вздорный индюк.

– О, Святая Магдалина! – Початок позеленел от злости, ломая пальцы. – Вы слишком давите на меня. Клянусь громом, я рассержусь, и тогда...

– Вот такой ты мне нужен будешь в пути.

– Так значит... – Антонио вспыхнул радостью, – мы можем пожать руки?

– Руки мы пожем позже. Если всё будет в порядке. И вот еще, чуть не забыл. Ты умеешь готовить, чтоб мы не протянули с голоду ноги?

– Опять обижаете, сеньор! Спросите Сан-Мартин...

– Смотри, – де Уэльва похлопал Початка по мясистой щеке. – Бывшего стряпчего, что морил нас похлебкой из скорпионов от Веракруса до Мехико, я повесил на гвоздь перед въездом в город... – Он подмигнул ошалевшему трактирщику и весело добавил: – А теперь возьми задаток.

– Нет! Деньги я не возьму. Моя совесть не продается, – Антонио надул щеки. – Она сдается только на время. Ну, давайте обещанные пиастры, сеньор, считайте, что вы уговорили Муньоса.

¹² Пиастр – старинная испанская серебряная монета. Один пиастр равен восьми реалам, ста сенсам или пяти русским серебряным рублям.

Разговор за столом оборвался... Четыре жареных, с румяной дымящейся корочкой капуста в томатном соусе при чесночной подливке опустились на стол; бутылки черного вина замерли вокруг них часовыми... Но не это заняло внимание путников, а та, кто принесла это королевское кушанье. Им всем улыбалась Терези. Де Уэльва куснул ус. Грудь прекрасной дикарки сводила с ума. Чуть прикрытая лифом скромного платья, она покоилась в корсете, как два темномедовых плода в роге изобилия.

Глава 4

В трех лигах от Мехико, много западнее последней городской заставы пылили двадцать монахов-иезуитов, все при оружии, верхами. Возглавлял их брат Лоренсо, в сердце которого был вырубленный молитвой гранитный крест великой миссии братства. Ему не введома была палитра эмоций, он не знал ни жалости, ни милосердия. В нем жила одна-единственная идея: справедливость – удел Господа Бога. Он знает, кому давать свое благословение. И душа его, как рьяно веровал Лоренсо, была дарована Всевышним Ордену Иисуса, в священное братство которого он входил вот уже тридцать лет. «Иезуиты, появившись однажды, остаются навсегда», – было для него так же незыблемо, как тысячелетний восход небесного светила. «Орден бессмертен, ибо бессмертен».

Слово отца Монтуа являлось законом: «Мадридский гонец не должен добратся до Калифорнии... Что ж, они не доедут. Отныне андалузец – мой зверь. Я – его охотник. И я убью его!»

Они скакали в предзакатной мгле. Заходящее солнце заслоняла монументальная тень Западной Сьерра-Мадре, протянувшейся драконовым гребнем с севера на юг. Извилистая, рябая от избоин дорога, петлявшая меж двумя рядами древних каменных стен, созданных ветром и водой, привела их к старому Южному тракту. Он тянулся в Калифорнию от самого Веракруса, через Мехико и Пачуку, Керетаро, Окотлан¹³ и далее, за перевал...

Это место Лоренсо избрал не случайно. Потому что тракт был наиболее верным и безопасным, по которому добирались до пресидии старого губернатора де Аргуэлло. Никто в здравом уме не поколесит иной дорогой: вся территория к северу от Мехико, включая Техас, была опалена огнем восстания.

– Стой! – глухо выкрикнул монах и поднял руку. Его широкая ладонь белела в лунном свете.

Сзади лязгнуло оружие. Колонна всадников застыла. Слышно было, как фыркали кони и где-то далеко за ложиной выл волк.

В пятнадцати локтях перед ними точно из земли выросла черная тень и прозвучал голос:

– Помоги себе сам...

– ...и Бог поможет тебе, – ответили на пароль.

Из сумрака к стремени предводителя шагнул человек и, поцеловав перстень, тихо сказал:

– Его еще не было, брат...

Лоренсо кивнул головой:

– Так угодно Создателю. – И через паузу добавил: – Остановимся здесь, брат Хосе. Передай всем по цепи: кост-ры не жечь, выставить караулы, и пусть знают: я сдеру шкуру с каждого, кто сомкнет глаза в эту ночь.

Высокие звезды поблескивали на рукоятках их эспадилью¹⁴.

– Повинуюсь, брат, – капюшон наклонился и исчез во тьме.

Лоренсо оставался в седле – большой и угрюмый, пугающий мрачным взглядом из-под тяжелых надбровных дуг.

Бивуак разбили у преддверия дикого края, под куполом клубящихся черных туч, где людям было не по себе, откуда открывалась великая равнина на запад, а с краю тракта роковой вехой тянулся голыми ветвями к небу мертвый дуб.

Монах думал о той гиблой стороне, куда его направил могущественный перст генерала и где, возможно, ему суждено сгинуть... Он прислушивался к призракам древних ацтеков¹⁵, тех,

¹³ Пачука, Керетаро, Окотлан – города Мексики.

¹⁴ Эспадилью – разновидность холодного оружия (исп.).

¹⁵ Ацтеки – древние обитатели Мексики, явившиеся с севера в XIII веке. Могущественный и воинственный народ со

кто пришел в эту страну на тысячи лет ранее испанцев. Их тени и ныне кочевали по забытым тропам, любовались голубыми облаками и слушали скорбный голос ветров в каньонах, потому как даже в Эдеме не отыщешь такого блаженного величия и чуда, как в горах Сьерра-Мадре.

Лоренсо впитывал в себя запахи этой земли, и они ему нравились. Взор его медленно скользил вдоль крутого склона горы, у подножия которой расположился отряд; туда, где в отвесной каменной тверди, стоящей аркой на их пути, зияли степь и тракт, похожий в сей звездный час на жерло Теокальи¹⁶. Всюду стелился мглистый туман, источая глухую тоску.

Пустынность сумеречного пейзажа подчеркивала тишина, нарушаемая приглушенным бормотанием монахов да редким звоном подковы о гальку.

Лоренсо собрал поводья и протянул свистящим шепотом:

– Мне нравится это место. Наверно, рай именно такой. Завтра для андалузца я превращу его в ад.

сложной культурой. Главным городом был Теночтитлан (ныне Мехико). Империя ацтеков была уничтожена европейцами и краснокожими рабами.

¹⁶ Теокальи – древние пирамидальные ацтекские храмы с алтарями, жертвенниками и галереями (индейск.). (Прим. автора).

Глава 5

В очаг общего кутежа, туда, где звенела монета, щедро подбрасывались дрова веселья, подносимые в виде запыленных бутылок вина из погреба Муньоса. Мужчины и женщины душили друг друга губами. Поцелуи – слюнявое чмокание – изгонялись укусами, откровенности – тумаками, а выстрелы пробок грозили перейти в настоящую пальбу, если найдутся такие смельчаки. Однако ни папаша Муньос, ни его супруга покуда «не потели»; они знали: до неприятно-стей в «Золотом початке» еще далеко.

За столом, где разместились слуги майора, на блюдах валялись обглоданные кости птиц вперемежку с рыбьими. Запах жаркого и острых подливок смешивался с более терпким ароматом текилы¹⁷, плескавшимся в кружках пирующих. Дона Диего за столом не было. Зато на коленях у братьев Гонсалес и Мигеля прохлаждались три девицы: без туфель, накрашенные и навеселе. Они без конца хохотали, срывая поцелуи, кокетливо отбиваясь от шаловливых рук широкоплечей троицы. Но ожидание более основательных альковных ощущений бесило мексиканок. Прикладываясь к кружке, они то и дело перемигивались и переглядывались, по-козы поводя глазами, в которых так и читалась откровенная страсть, жажда ласк и дублонов.

– Да, милые, мясо у вас подают, как в тюрьме – хо-лодное! – пьяно заметил, ковыряясь в зубах, Фернандо.

– А вы когда прискакали сюда, жеребцы? – оголив жирные смуглые ляжки, хохотнула его подружка. Ее белые крепкие зубы впились в оранжевый пористый бок солнечного апельсина. Салатное платье, что обтягивало ее, буквально трещало по швам; под мышкой и на бедре ткань уже раздырявилась, и в прорехи лезла рваной квашней плоть.

– А то ты не знаешь? – Фернандо поднял кружку.

– Ну, вот поэтому оно и горячее, как у покойника знаешь что?..

Женщины вновь засмеялись, глядя на обескураженного испанца; тот сидел молчаливой скалой, натянув на глаза широкополую шляпу, и... улыбался.

– Вы часто бываете здесь? – Алонсо прижал к себе мексиканку.

– Только когда нам нужны настоящие мужчины...

– Ха, значит, вы сидите с теми, кого хотели.

За столом вновь загоготали, застучали кружки, как вдруг...

– А ну-ка, сладкозадая, подвинься, – Алонсо бесцеремонно смахнул с колен девицу с тугими лоснящимися косами.

Мимо застолья проходила дочь Сильвиллы с подносом снеди. Контур ее груди отчетливо вырисовывался через ткань. А ее особенная походка заставляла волноваться сильную половину. Ногу она ставила на носок, заученно, но прелестно подтягивая красивые икры.

Обслужив пару мутно видящих друг друга через бутылку, Тереза задержалась, как рыбка у приманки, перед зеркалом. Критически осматривая себя, она ловким движением взбила смоляные кудри на висках.

– Какие у нее знатные ножки! – мечтательно простонал Алонсо, глядя на брата.

– А по-моему, ее груди забивают весь горизонт.

Алонсо усмехнулся и крутнул сломанным кривым пальцем у виска.

– Дурак, по мне их никогда не бывает слишком много.

– Пожалуй, – охотно согласился старший. – Такая – приятное зрелище для любого...

Может, она тоже не прочь развлечься с нами?

Фернандо отрицательно качнул головой:

¹⁷ Текила – мексиканская водка.

– Ты спятил, брат... Не любой мужчина достоин этой сеньориты. Эта бестия нам не по зубам.

Подружка Алонсо, слышав разговор, надулась, но склоку не затеяла. Напротив, заизвивалась, пытаясь околдовать глазами неугомонного Алонсо, прижалась к нему круглым животом и принялась целовать в губы, точно клея марку языком.

– Да погоди ты лизаться, кошка! Сними лучше это чертово пончо! Может, тебе и холодно без него, но я уже умываюсь потом.

– Только пончо? – она глупо хихикнула и подмигнула, сжимая его бедро. – А почему бы нам не заняться всем сразу? Ну, ну! Не молчи. Скажи, что будет делать дальше мой герой?

– Для тебя – ничего!

Алонсо, не на шутку задетый за живое словами старшего брата, поднялся из-за стола и, отыскав взглядом свою зазнобу, загремел саблей.

– Эй, ножки! – он облокотился на стойку. Его восхищенные глаза блуждали по девушке, на лбу вздулась вена.

– Меня зовут не ножки. – Гибкие руки продолжали споро споласкивать порожние кружки.

– С ума сойти, какая ты гордая, – он чиркнул спичкой и запалил сигару. – Мне нравятся твои зеленые глаза... и нравились бы еще больше, если б ты улыбнулась мне. Ты свободна сегодня?

Она лишь хмыкнула в ответ, не удостоив его взглядом.

– За себя не отвечу, но ты-то уж точно свободен... Отойди, не мешай! – она резко отпрянула в сторону, прекрасно понимая, что его мозолистые, в шрамах пальцы не случайно шоркнули ее плечо.

– Но-но, не шуми, красавица. Такая как ты, по моему взгляду, тянет на всю пятерню. Клянусь свитком Матфея, я бы отдал все пальцы на левой руке, чтобы полежать на тебе...

– Брось, чем будешь в носу ковыряться?

– Дьявол! Да ты вулкан, а не девка! Всю жизнь мечтал о такой. Ладно, ладно, не перчи словами... О, черт, да не дергайся ты всякий раз, как необъезженная лошадь...

– А ты не протягивай лапы!

– Послушай, – Алонсо горячо зашептал. – Мы проделали адский путь и очень устали. Сегодня на ночь мне нужен кто-то смазливый и сладкий, вроде тебя. Я хорошо заплачу и приодену... Помни, что я солдат и умею развлекать женщин. Клянусь гардой моей сабли, если б я был собакой, то облизал бы тебя всю.

– Эй, кобель! – Тереза не скрывала своего раздражения.

– О, сеньорита! – Алонсо пьяно осклабился и хлопнул себя по расшитому гульфику. – Кто будет веселиться?

– Ты, – не поднимая глаз, отрезала она.

– Я?

– А кто же?

– И где? – он весело цокнул языком.

– На дворе с моими свиньями!

Девушка негодуяще тряхнула волосами, собираясь уйти, когда пальцы Алонсо, будто когти коршуна, схватили ее за локоть. Данное прикосновение уж точно не было случайностью. Лицо Терезы залила густая, темная краска. Второй рукой он попытался ухватить ее за грудь – это был грубый понукающий жест. Она вскрикнула и отшатнулась назад, пытаясь освободить запястье, но оно точно попало в капкан.

Алонсо хотел было притянуть красавицу силой, когда твердый голос майора, словно удар эфеса, отрезвил его.

– Ну ты, храбрец, похоже, на тебя пора надеть больничник!¹⁸ Отпусти сеньориту и пошел вон! Что? – голос де Уэльвы не терпел возражений. – Либо ты, брат, изволишь блюсти честь и достоинство своего господина, либо – ко всем чертям!..

Алонсо метнул обиженный взгляд, но перечить не посмел. Его жилистая кисть медленно разжалась, голова втянулась в плечи.

– Дон, да она зубаста, как пиранья, и ненавидит мужское племя.

– Не племя, а семья, амиго. Ладно, пошутил, и будет. Всё хорошо, что хорошо кончается, Алонсо. – Диего хлопнул его по плечу. – Но еще раз замечу – пеняй на себя.

– Слушаюсь, мой господин. – Слуга, виновато пряча глаза, невнятно извинился перед Терезой и разочарованно зазвенел шпорами к своему столу.

На душе скребли кошки, но Алонсо был исправный малый и попусту на бочку с порохом не лез.

– Вы в порядке, сеньорита? – испанец обаятельно улыбнулся. – Имею честь представиться: дон Диего де Уэльва.

– А вам-то что? – она вытерла руки и исподлобья глянула на офицера. – Тоже скучно стало?..

– Почему вы до сих пор не улыбнетесь, Тереза? Вы всё еще сердитесь? Простите моего слугу, право, он глотнул лишнего, вот и распустил руки.

Девушка вздохнула.

– Ладно, чего уж там... Вот невидаль. Каждый день кто-нибудь, да тянет лапы. Врать не буду, – она одарила Диего смущенной улыбкой, – я, конечно, люблю, когда мне делают комплименты, но не руками. И вам я тоже не верю, дон Диего. Вы такой же волокита, я угадала?

– Не совсем, – он прямо посмотрел в глаза. – Просто вы мне нравитесь.

Тереза язвительно прищелкнула языком:

– Да вижу я вас насквозь, все вы в одно перо. Вот говорите мне любезности, а ведь у вас, сеньор, наверняка где-то есть семья?.. Не совестно вам?

– Хм, а я-то было подумал, что вы со своими способностями действительно обо мне всё знаете, – майор лукаво подкрутил ус. – Нет, Тереза, у меня нет семьи, да, пожалуй, и друзей. Я одиночка, если не считать вон тех трех развратников, – он с улыбкой кивнул на своих слуг.

Повернувшись к нему, она оперлась на локоть и, без кокетства глядя ему в лицо, удивленно произнесла:

– Значит, кроме коня и слуг, у вас нет друзей?

– Нет, – хмуро обрубил дон, помогая ей перевернуть увесистый бочонок пива.

– Но почему? Вы... не любите людей?

Майор помолчал, точно прислушиваясь к щемящим переборам гитары или вспоминая что-то, и, пристально глядя на свои кружевные обшлага, сухо ответил:

– Потому что их убивают...

Оба изрядно помолчали. Диего почувствовал, что лицо его горит – и не только от выпитого вина. Она смотрела на него в упор и улыбалась. Ей нравились его смелые соколиные глаза, дерзкие усы и боевая стать. Нравился и голос: приятный, удивительно глубокого тембра. Сдержанность и весомость слов незаметно пьянили, медленно, но неотвратимо повергая ее в какие-то неведомые ощущения.

Когда майор осторожно взял ее за тонкие пальчики, она тихо сказала:

– Мне время быть на кухне, а не вертеться возле вас...

Девушка кивнула и пошла прочь, распахнув одну из дверей, ведущих во двор, обернулась и еще раз взглянула на Диего, как бы говоря: «Не слишком ли вы быстро погоняете, сеньор?»

Дверь хлопнула.

¹⁸ Больничник – кольцо, вдеваемое в ноздри строптивых быков.

Де Уэльва, плюнув на все условности, направился следом.

Глава 6

Ветер стих, и на дворе стояла такая духота, что казалось, будто тонешь. Наступил закатный час – час, дрожащий робким голубоватым светом, час любви, когда причудливо меняются переливы сумеречных теней и слышится млеющий шепот влюбленных...

Майор тихо прикрыл дверь, осмотрелся: небо вспыхнуло желтым сиянием из-за черных кражей. Он вздохнул полной грудью, ослабил узел шейного платка: «Господи, куда, в какие неведомые дали занес меня Фатум?» За глиняной стеной корраля¹⁹ шумно дышала скотина и пищали мыши. Де Уэльва наморщил лоб, задрал голову, и увидел, что луна вот только сразила восточные тени. Впереди –ночь, и долог еще ее путь под темным сводом.

Она вынырнула из темноты с вязанкой хвороста, гибкая, что лиана.

– Как, это опять вы? – вязанка медленно опустилась на землю.– Зачем вернулись?

– А зачем вы ушли? Неужели... я только нашел вас –и потеряю?

Девушка призадумалась, пряча взгляд.

– Я совсем не знаю вас, сеньор, дайте пройти.

– Не бойтесь, Терези,– майор мягко придержал ее плечо.– Позвольте мне взглянуть на вас... Завтра чуть свет я уезжаю.

– Ах, вот в чем дело... что ж, смотрите,– она крунулась и так, и сяк.– Ну, увидели?

– Благодарю,– дон улыбнулся ей.– Позвольте вашу руку...

– Нет, нет, вот это ни к чему.– Девушка отскочила дикой козой.

Диего усмехнулся, сделал шаг вперед.

– Перестаньте, в моем желании нет ничего дурного.

– Очень рада это слышать,– она независимо откинула голову.

Взяв руку сеньориты, дон положил на ее ладонь крупную сверкающую жемчужину.

– Какое чудо! – Тереза с непосредственным восхищением глядела на игру черного перламутра.– Я не встречала такой красоты...

– Этот талисман – мой подарок, сеньорита, на память о нашем знакомстве.

Мексиканка, казалось, потеряла дар речи.

– Но... но... в ней же целое состояние!

Де Уэльва согласно кивнул головой и сомкнул ее пальцы на жемчужине.

– Зачем деньгами мерить красоту, донна? Берите. Право, она ваша.

Красавица слегка нахмурилась и, возвращая подарок, бросила:

– Вы ошиблись дверью, сеньор.

– А вы не верите в бескорыстие? – в глазах майора сверкнула обида.

– Я не позволю себя обмануть, дон Диего.

– Жаль, вы не поняли меня.– Он развернулся и с силой зашвырнул в ночь жемчужину величиной с лесной орех. Диего в упор смотрел в изумрудную сумеречность ее взволнованных глаз, сверкавших ярче жемчуга.

Захлебываясь горячим шепотом, она выпалила:

– Жемчужина ушла из ваших рук – плохой знак. Быть беде. В наших краях живет поверье: если человек сам выбрасывает талисман, то он попадает в когти дьявола... Прошу вас, будьте теперь осторожны даже в беспечный полдень. Это не я – ОН пророчит вам горе.

– Ну что ж, спасибо за такой «подарок». По вашей милости мне придется поздороваться с этим другом,– де Уэльва крепко взял ее запястье.– Вы так волнуетесь за меня... Решительно странно. Я, что же, понравился вам? –насмешливые глаза Диего озадачивали Терезу.

Помявшись, она тихо призналась:

¹⁹ Корраль (исп. corral) – загон для скота.

– Немного... Вы из тех, кто производит впечатление... А главное, вы ничего не просили и не предлагали, сеньор. Вы понимаете?

Он кивнул головой, отпуская ее руку. Девушка блеснула зубами в улыбке.

– Но, похоже, и я понравилась вам?

– Да, я люблю красивых женщин и стремительных лошадей.

Она некоторое время смотрела на майора, пытаясь най-ти подвох в его глазах, затем отрывисто сказала:

– Теперь уходите, герой, и побыстрее... Из-за вас отец мне и так всыпет по первое число...

– Какая награда «герою»? – Диего одернул камзол.

– Завтра я выйду проводить вас в дорогу.

– И только? – в голосе слышалось разочарование. – Тереза, я поостерегусь предполагать, пока не увижу, какие карты сдала судьба, но кто знает... суждено ли мне вернуться из Калифорнии... Побудьте еще со мной...

– Да как вы не понимаете! – девичье лицо напряглось. – Вам опасно находиться рядом со мной... И не моя в этом вина.

– А чья?

– Вы что-нибудь слышали о капитане Луисе де Аргуэлло и его летучем эскадроне?

Майор прихлопнул москита на своей шее и отрицательно качнул головой.

– И... вы его любите?

– Нет! Зато он совсем потерял голову! Он мой жених... О, чтоб сгорели его змеиные деньги! Отец просто грезит ими! Если Луис увидит нас вместе или кто-то шепнет ему... Жизнь человека для него стоит не более истлевшей сигары. Он из тех идальго, которые мечтают свести счеты даже с собственной тенью. – Лицо сеньориты застыло неподвижной маской. – Я его ненавижу.

Де Уэльва участливо спросил:

– У вас неприятности из-за него?

Мексиканка не ответила, насторожившись. Майор невольно оглянулся: из таверны доносились приглушенные разговоры и смех.

В это время луна померкла, уткнувшись в облако. Дону послышался едва уловимый шорох за щелястой дверью, выходящей во двор корраля. Почудился он и Терезе. Она съежилась и прижалась к офицеру, бросив охапку хвороста.

– Что бы ни случилось, не надо подвигов, слышите, дон Диего?

Де Уэльва быстро подошел к двери и крепко надал ее плечом. Она опрокинула сидевшего в засаде папашу Мунь-оса. Он грянул на пол, собирая горшки, хомуты и прочий хлам. И лишь когда до него дошло, что случилось, он с жаром возмутился:

– О, будь проклят день, когда я родился! Вы, черт возьми, сломали мне нос, сеньор! И это в моем-то доме!

– В следующий раз будь осмотрительней, старина, и не суй его меж дверьми! – Диего способил толстяку подняться.

Из носа частила кровь. Тереза протянула охавшему папаше платок, а дон вежливо спросил:

– Сеньор Антонио, вы позволите мне потанцевать с вашей дочерью?

– Спроси лучше меня, хлыщ, может, тебе больше повезет.

Плечо Диего словно попало в тиски.

Глава 7

Взбешенный майор резко крутнулся назад. Перед ним с наглой улыбкой стоял Луис, за которым толпилось не менее десятка солдат. Дерзкие глаза буравили де Уэльву.

«Вот и обещанная кавалерия объявилась», – подумал Диего и учтиво сказал:

– В таких делах, капитан, третий лишний...

– Ошибаетесь, любезный. Лишним будешь ты, а не я, – бледное лицо де Аргуэлло не обещало ничего хорошего. – Надо же! И ты здесь, предмет всеобщего поклонения. – Не обращая внимания на майора, Луис впился взглядом в свою невесту. – Тереза, в сторону! Ну, живо! Я хочу получше разглядеть твоего павлина... Ты что, оглохла?!

– Посмей его хоть пальцем тронуть!

Девушка боялась шелохнуться, прекрасно сознавая, что даже малейший намек на какое-нибудь движение способен сейчас спровоцировать кровь.

– Вот ты какая, монашка! – глаза капитана были точно тлеющие угли, готовые вот-вот полыхнуть пламенем.

– Еще какая! – она мстительно сжала губы. – Дайте по-хорошему уйти этому господину! Вы хоть бы поздоровались для приличия, сеньор де Аргуэлло. – Тереза умышленно затягивала время.

– Сначала я рассчитаюсь с ним, а потом, когда мы останемся одни... я поздороваюсь с тобой от души... Эй, папаша! Уймите свою похотливую дочь!

– Опомнись, Тереза, как ты говоришь со своим женихом? – толстый Муньос буквально умывался потом. Глаза его так и тикали: туда-сюда, туда-сюда. Губы дрожали.

Диего решительно встал между сеньоритой и драгуном.

– Значит, вы здесь командуете смотром, капитан?

– Что дальше? – огрызнулся Луис.

– А дальше я дам вам одну дорогую вещь... и, кстати, бесплатно.

– И что же это?

– Совет, капитан. Убирайтесь-ка вы отсюда к чертовой матери, пока я не научил вас правилам этикета.

На мгновение все замерли и уставились на Диего, будто он разбил дорогое зеркало.

– Прислушайтесь, капитан, к моим словам, иначе вы крепко пожалеете. Я могу поручиться: король казнит полгорода за вашу дурацкую выходку.

– Здесь не Мадрид! И хватит мне мозолить уши! Эй, возьмите его!

Солдаты желтомундирной стеной бросились было выполнять команду, как вдруг будто оступились... Через штыки на двор патио выскочили братья Гонсалес и Мигель.

Застольные игры и веселье в таверне разом прекратились. Смолисто затрещали факелы – вокруг грудился народ, слышались голоса:

– Дон Луис, если вы решили посмотреть, какого цвета у этих покойников потроха, позвольте и нам! Мы тоже хотим!

Де Уэльва хладнокровно следил за движениями соперника, его солдат и прихлебателей, готовый в любую секунду пустить в ход оружие. За своих слуг он был спокоен: эти бойцы не подведут. «Но, черт возьми, силы были слишком неравны: сорок, а то и все пятьдесят против четверых... Кому понравится? Целая королевская рать, да еще и при пушках!»

– Майор! Я предлагаю вам убраться отсюда и забыть дорогу к этой юбке! – прорычал Луис, рука его легла на рукоять сабли. – Или я помогу вам сегодня же встретиться с Богом.

– Почему бы вам, капитан, не попробовать это прямо сейчас? – Диего уверенно вышел из-за спин телохранителей, остановился напротив де Аргуэлло, широко расставив ноги.

Ухмылка сбежала с лица красавца Луиса. Это ему, лучшему стрелку и фехтовальщику, бросали перчатку, да еще при всех и, более того, при невесте!

Глава 8

– Дайте места, скоты! – узкая сабля капитана вспорола воздух голубой восьмеркой.

Пылающие факелы точно ожили и растеклись по окружности корраля.

– Эй! Не двигаться! – крикнул солдатам Луис. – Теперь он мой. Весь мой. Сейчас я посмотрю, какой он бойкий.

Майор молниеносно выдернул шпагу и четкими, жесткими взмахами промял клинок. И тут же оружие зазвенело, как бокалы, наполненные яростью и смертью.

После первых двух стремительных выпадов капитана де Уэльва понял, что перед ним не расфуфыренный наглец в эполетах, а достойный противник. Тяжелая драгунская сабля в руке Луиса порхала, точно гусиное перо. Однако и тот был поражен дьявольской ловкостью незнакомца. Искусное мулине, которое воздушно, почти без усилий продемонстрировал майор, мгновенно протрезвило Луиса от бешенства. Волей-неволей капитан вынужден был признать: соперник достоин большего почтения.

Дрались ожесточенно, остервенело. Гарды уже трижды сшибались, и трижды глаза дуэлянтов испепеляли друг друга.

Луис, перескочив бочку, обманным выпадом слегка зацепил плечо противника, вырвав стон. Кровь брызнула брусничными каплями на снежные кружева. В пыли андалузец почти не почувствовал боли, зато явственно услышал рев толпы и вплетающийся в него голос Терезы. Кусая губы, она с трепетом наблюдала за поединком. Почти никто не сомневался в победе нахрапистого капитана.

Неожиданно майор поймал тертого драгуна на дешевый финт: замахнувшись, он вдруг изменил направление удара, противник мгновенно среагировал, но де Уэльва с невероятной ловкостью ускользнул в сторону от разящей полосы стали и тут же стремительным штрихом рассек грудь Луиса. Острейшая боль, словно гигантская швейная игла, прошла всё тело. Капитан схватился за рану, под его пальцами на белом батисте сорочки медленно проступало малиново-красное пятно. Однако глаза его по-прежнему горели огнем, и в них не было пощады.

Не привыкший проигрывать, он ястребом кинулся на Диего. Выпад, еще один, и еще. Клинок молнией обрушился на майора, поцарапав ему ухо. Рана была неглубокой, но сильно кровоточила.

Еще минута проскрежетала сталью, когда Диего с облегчением отметил, что рука противника стала немать.

Луис, не желая мириться с фиаско, скрипел зубами, но кровь бежала червонным ручьем. Его лихой удар опять просвистел мимо, а сам он подбородком жестоко наскочил на рифленый эфес шпаги андалузца и пал наземь. Де Уэльва, пьяно покачиваясь, подошел к нему. Мерцающий кончик стали уперся в загорелое, блестящее от пота горло.

Солдаты взвели курки. Воцарилась тишина. Заткнув языки, люди замерли.

– Кто ты? – прохрипел Луис, дерзко глядя в глаза соперника.

Диего молчал. Дыхание у обоих вырывалось со свистом, царапая легкие. Сердца металось, как дикие мустанги в тесных загонах.

– Кто бы ты ни был, мы еще встретимся в аду! А сейчас лучше прикончи меня, или я...

– Молчи! – шпага Диего сильнее кольнуло горло, но капитан продолжал:

– Я убью тебя! Запомни: ты – покойник!

Де Уэльва как можно спокойнее сказал:

– Если ты даже убьешь меня, что это даст тебе?

– Ну как же... – Луис нагло улыбнулся, облизывая пересохшие губы. – Я получу удовольствие. А ты, – он яростно скосил глаза на свою невесту, – ты всё равно будешь моей, заруби это себе на носу!

– Не стоит. Топор сломаешь! – отбрила Тереза и, подбежав к испанцу, прошептала: – Я умоляю, не надо крови!

Дон окинул ее мрачным взглядом. Пульс еще бурно протестовал против внезапной остановки, отдаваясь в ушах набатным колоколом. Однако улыбка раздвинула жесткие губы, когда Диего встретился с ее подернутыми туманом глазами.

– Мне трудно понять вас, донна... – толедская сталь после колебания скрылась в золоченых ножнах. Майор поправил португею и повелительно обратился к Луису:

– Запомни: своим спасением ты обязан только этой сеньорите.

– Не беспокойся, не забуду. Я всё равно пойду по твоим следам и убью тебя.

– Это обещание можешь не исполнять. Желаю скорее остыть.

Де Уэльва повернулся к девушке. По лицу его струился пот, но взгляд оставался покровительственным, с живым блеском и остротой.

– Не обращайтесь внимание на запугивания, – шепнул он Терезе. – Слушайте меня, и всё будет славно.

Взяв ее под локоть, Диего направился к двери, но на пороге обернулся:

– Я провожу девушку в дом и вернусь, если показался неубедительным.

Солдаты хмуро расступились. Слуги молча последовали за господином.

Глава 9

Монументальная долина охватывала крутогорье с севера, там, где вонзал свои кривые зубья в небо Сан-Мартин, там, где уже не слышно было звуков города. Травянистые склоны в этот ночной час обнимала дымчатая пелена, и где-то внизу перемигивался редкими огоньками Мехико.

С незапамятных времен витал страх над одиноким колоссом Сан-Мартином и его окрестными пустошами. Был он таинственным, пугающего нездешнего вида, будто сорвался со звездного небосклона, как роптали суеверные голоса; а те, кто держал в памяти предания краснокожих, утверждали, что сложен он из клыков Пернатого змея, окаменевших еще задолго до колумбовых парусов. Жители окраин чурались пасти скот у его подножия, лоснящегося малахитовой зеленью пышных лугов, и никто не строился поблизости: вешали, что в черную годину вокруг каменного перста слетается и колдует сонмище душ непогребенных, тщетно пытаясь обрести покой.

Сколько передумала об этом Тереза совсем еще ребенком! Думала и сейчас, монотонно покачиваясь в седле, согреваемая широкой грудью отчаянного испанца, чьи сильные руки уверенно правили двухременной уздой.

Кони мерно ступали, взрыхляя песок звериной тропы. Позади пылили слуги-телохранители, так, что почти не ощущалось их присутствия. Мексиканке казалось, что она совсем одна в сей звездной ночи, одна в надежных объятиях своего рыцаря, вырвавшего ее из опостылевшего родительского гнезда. Что ж, она отдавала себе отчет в том, что делала... Знала, что этим поступком бесповоротно сжигает за собой все мосты. Знала, но не боялась, а более – подсознательно желала.

Пусть ей никогда не суждено стать супругой этого знатного сеньора. Девушка не питала иллюзий. Пусть она, подобно изгнаннице Марине²⁰, пройдет всю жизнь возле стремени его боевого коня... Значит, так хочет Господь, а главное – так хочет она... Это ее сокровенное желание: жить стремительно, любить крепко, умереть – смеясь... И Диего де Уэльва, похоже, обещал ей это.

Она бросила острый взгляд на темнеющие холмы. Всё же Тереза суеверно боялась этих мест. Скрытое беспокойство шло по пятам: временами казалось, что Тереза не выдержит и обессилеет, настигаемая шелестом и призрачным шорохом невидимых теней.

Спускаясь в лощину, они услышали перекатный плеск воды, такой отчетливый и бодрый, будто кто-то шуршал галькой. Лошади насторожили уши, ускорили ступь, потянувшись к воде. Бойкий родник совершал путь вдоль отвесной базальтовой стены с одной стороны и шелкотравной низины с другой. До рассвета оставалось три, а то и все четыре часа. Майор натянул поводья, легко спрыгнул с коня. Мексиканка почувствовала сухое тепло жестких мужских ладоней. Заботливые руки помогли ей коснуться земли.

Чтобы быть менее заметными на фоне светло-сумеречного неба, они старались ехать понизу, в донцах холмов, и место для ночлега майор выбрал такое же скрытое от лишних глаз. Прежде чем позволить перевязать себя, он долго смотрел окрест.

– Любуетесь? – Тереза открыто улыбнулась.

– Хорошее место для засады, – продолжая прощупывать взглядом лощину, не сразу ответил дон. – Впрочем, красиво, не спорю. Здесь только влюбляться. Кстати, ты веришь в любовь?

Она встрепенулась и неопределенно качнула головой:

– Любовь без средств... – Тереза изломила бровь.

²⁰ Марина – индианка, предавшая свой народ из-за любви к Кортесу.

– Глупости,– на миг он потерял мысль. Ее бедро волнующе жгло ногу.– Любовь – вот лучший капитал: он смягчает боль и дарит счастье... не так ли?

Девушка пристально снизу вверх посмотрела в его глаза. Их разделяла какая-то пара дюймов.

Он отступил на полшага, но Тереза тут же качнулась веткой и плотно прильнула. Майор более ничего не мог поделать с собой: не ощутить выпирающую из-под цветастого платья упругую грудь, бедра было просто невыносимо! Твердые, как изюминки, соски вдавились в него, ладони соединились... Диего продолжал внимательно смотреть на нее. В юном лице была расцветавшая страстная южная красота, созвучная гибким линиям стройного тела.

Сумев взять себя в руки, он отстегнул серебряную пряжку плаща, снял его с плеч и накинул на Терезу.

– Спокойной ночи! Идите ложитесь, донна. Завтра рано вставать. Мигель уже приготовил для вас навес.

Он хотел было направиться к костру, когда услышал тихое:

– А вы?..

Майор обернулся: ее темно-зеленые глаза в лунном свете влажно блеснули.

Эффект был сильнее, чем ожидала Тереза.

– Думаю, я буду стеснять вас,– он говорил мягко и нежно.

– Как? И я вас?.. – она опустила густые ресницы, затаив дыхание.

На загорелых щеках Диего проступил румянец. Похоже, она наконец-то сумела сразить его.

– А вы умеете, не смущаясь, смущать...

Он глянул на щиплющих траву лошадей и сказал:

– И до какой степени я могу заходить с вами в нашей игре?

– Вы сами знаете,– не поднимая глаз, прошептала она.

Его кружева коснулись ее пальцев:

– Но лучше, если ты покажешь это сама.

Диего почувствовал, что дыхание девушки участилось от его осторожного прикосновения. Она провела кончиком языка по нижней припухлой губе.

– Не думайте ничего гадкого, сеньор. Просто я... – не сумев произнести слов признания, Тереза прижалась к его пахнущему порошком камзолу.

Глава 10

Неподалеку от журчащего потока, вокруг веселого костра, краснеющего в темноте рубиновыми углями, расположились слуги; и в воздухе вскоре разлился соблазнительный запах жареного мяса и кофе. Братья Гонсалес о чем-то болтали с Мигелем, не обращая внимания на уединившуюся влюбленную пару.

...Они лежали на его широком пурпурном плаще под свежим пологом лениво раскачивающихся ветвей старого платана. Прогретый за день песок ласкал обнаженные спины. Она уже не принадлежала себе. Они были столь близко, что почти касались, глядя друг на друга.

Медленно, словно невзначай, но Терезе вдруг стало жарче, чем в аду, и слаще, чем в Эдеме. Они не находили слов, их пульс скакал как сумасшедший, и они не могли отвести взгляд.

Диего крепко обнял ее за плечи и притянул к себе. Прерывисто дыша, девушка инстинктивно изгибалась, будто пыталась избежать его ласк, но тут же принимала дрожащим телом, с глазами, блестящими мольбой, испивая всякий раз ни с чем не сравнимые глотки наслаждения. Ее упругая грудь податливо сопротивлялась под атакой его поцелуев; пальцы ныряли в черно-пенные струи волос, а чувства, переполнявшие их, все более полнились нестерпимой силой счастья, вырывавшей из груди сладкие стоны и пугавшей своим упоением.

Прохладный воздух вдруг стал сухим и, казалось, скрипел на зубах. Неожиданно Тереза ощутила в самой себе такую вспышку блаженства, что едва не вскрикнула. Широкая и всемогущая волна истомы заполнила ее всю, без остатка. Не было более сил, она отдалась всецело, откровенно, позабыв о всякой стыдливости.

Рогатый месяц прятался за бледными, предрассветными облаками, а они продолжали лежать и смотреть в тканое звездами небо.

– Тереза, – тихо позвал он.

Она не ответила, но Диего почувствовал, как напряглось ее плечо.

– О чем ты думаешь? – его пальцы коснулись ее волос.

Тереза смущенно пожала плечами. Тогда он начал расспрашивать ее, где она родилась, о родителях, о городе... И получая ответ на один вопрос, уже имел наготове второй.

Так продолжалось до тех пор, пока девушка не догадалась, что донна Диего не столь интересуют наивные ответы, сколько само ее присутствие, ее речь, ее дыхание. Она вдруг почувствовала его одиночество и тоску по теплоте женского голоса. От матери она не раз слышала, что солдаты или люди, обреченные жить в глуши из-за работы или же скрывающиеся от плахи, по ночам охвачены глубокой, острой тоской и в пламени костра нередко склонны узреть близких и милых сердцу людей. Это, похоже, мучило и Диего.

И Тереза болтала с ним, откровенно и просто, как никогда еще в своей жизни. Радостно и охотно поведала о своем детстве и юности, обо всех утехах и горестях, вплоть до того момента, как познакомилась с ним.

– Значит, капитан Луис не входит в твои планы? – резюмировал де Уэльва. – А кто-то еще... остался из любовников?

– Да.

– И много?

– Весь Сан-Мартин, – рассмеялась она. – Вернее, лучше их назвать воздыхателями. Я им нравлюсь, но они-то мне нет... Эй, вы что, обиделись, сеньор? Ревнуете?

– А ты как думаешь? – он прижал ее к себе и поцеловал.

– Тихо здесь... и чудно, правда? – замерев на его груди, совсем по-детски, немного помолчав, сказала Тереза. – Я обожаю звезды: они словно говорят со мной. Прислушайтесь к ветру в листве... Слышите, он что-то шепчет нам... Может, предупреждает о чем?..

Диего не ответил, пристально вглядываясь в рассыпанные по небу, точно серебряные монеты, звезды.

Тереза тоже задумалась: вспомнился отец со своими угрозами, Луис, и тотчас ее душа наполнилась прежним холодным напряжением. Откинувшись на широкое испанское седло, что покоилось в изголовье, она лежала с широко раскрытыми глазами.

Действительность ее положения оказывалась тем чудовищнее и невероятнее, чем больше она задумывалась над случившимся. «Ссора с домашними, дуэль из-за меня, кровь Луиса!.. – от этих мыслей закружилась голова и мужество ее ослабело. – Святая Дева Мария! Как мне всё надоело! Эти бесконечные пьянки в доме, ругань и выяснение отношений... Но самое страшное... Это Луис – хитрый, как гринго, и ловкий, как апач... Он не отстанет... Он сума-шедший в своей любви». Тереза вздрогнула. Истинный смысл ее положения действовал подобно грубым ударам острых шпор. Теперь она должна будет бороться за свою свободу как никогда... и особенно с доном де Аргуэлло. Хитрость, ложь... Тут пойдет всё, особенно чертовская ловкость, на какую только способна отчаявшаяся женщина. «Он всё равно найдет нас! – снова выстрелило в голове. – Значит... значит... я должна обмануть его, провести, убить... или он убьет нас». Ее храбрость вдруг вся ушла в самую глубь души и разбудила страх. Уверенности она более не испытывала и не чувствовала себя равной в предстоящей схватке с Луисом. Беспомощная, растерянная, Тереза уткнулась лицом в лежащее рядом пончо.

– Эй, да ты никак плачешь? – дон приобнял ее.

– А вы думали – смеюсь? – Тереза подняла к нему полные слез глаза.

– Стоит ли, перестань.

– Я не... не могу иначе... я должна, мне надо немножко поплакать. Я вспомнила свой дом, отца, мать, подруг... Я плакала не о себе. Ведь я их больше не увижу, сеньор... А они там будут очень несчастны... Меня любили...

– погоди, погоди! Что значит: не увидят? – майор усмехнулся. Задумчивый взгляд его скользил вдоль ее стройной, гибкой фигуры, затем, точно обжегшись, вновь уходил в сторону, в темноту ночи. – Ты только выслушай, дорогая, не перебивай. Я проехал тысячи лиг. Пожалуй, это смешно, не должно было этого быть... Но, – дон замолчал, а она, замерев на ложе, ждала, что же он скажет. – Я влюбился с головой, именно здесь, в тебя. В сеньориту, от которой всю жизнь бежал во снах. Кто знает, быть может, такой пасьянс раскладывается раз в жизни... И то, если чертовски повезет. Клянусь всеми святыми! Ты – чудо.

– Вы всем так красиво поете? – глухо сказала она, не поворачивая головы.

Он промолчал, а затем задумчиво обронил:

– Зачем ты так? Разве ты не царишь в моем сердце?

– Я хочу царить не только ночью, но и днем.

– Пойми, дорогая, светский этикет правит мной, а не я...

Тереза молчала, по смуглым щекам снова катились слезы. «О, Господи-Боже, зачем?... Зачем... я затеяла это всё?..»

– Что с тобой? Опять плачешь? – Диего резко приподнялся на локте, забыв о ране, но, заскрипев зубами, тотчас откинулся на спину. Девушка склонилась над ним, лицо ее смягчилось. Обида ее исчезла, уступив место жалости, настолько переполнившей сердце, что, всё позабыв, она ласково прошептала:

– Бедняжка! – взяла его руку и осторожно поправила повязку на плече. – Теперь ты ненавидишь его так же, как я, правда?

Тереза с сочувствием смотрела на изувеченное ухо майора, его перевязанную руку и всё больше хмурилась. «Что же мне делать, – лихорадочно думала она, – остаться или вернуться?» Но, как истая женщина, Тереза решила одно, а поступила иначе.

– Да... пожалуй. Когда у меня будет больше времени, я отыщу Луиса и с удовольствием скажу ему об этом.

– Нет! – в глазах мексиканки читалась смертельная тревога. – Он бешеный. Он дьявольски бешеный! Эти синяки, – она кивнула на руки, – его работа. – Поколебалась и добавила: – Я предупреждала вас... не связывайтесь с ним... Помните, он поклялся под вашей шпагой? Он вернется за вами даже из преисподней...

Де Уэльва ласково улыбнулся ей, чтоб успокоить.

– Тем лучше – мне не придется тратить время на поиски.

Дон поцеловал ее руку, а сам с тревогой подумал: «Действительно, такой человек, как капитан Луис, весьма опасен. И особенно потому, что самый заметный след в его мозгах выточила мысль о собственной правоте».

Первые птицы уже чистили клювы и готовились щебетать, когда Тереза ловко натянула юбку и влезла в корсет.

Пора было возвращаться. Папаша Муньос должен был вот-вот появиться с каретой и лошадьми у Сан-Мартина.

– Значит, вы не берете меня с собой, дон Диего?

Они подходили к костру, где с утренними заботами воевал Мигель. Час был хлопотливый: Гонсалесы седлали лошадей и доставали съестные припасы.

– Ну что вы молчите? – девушка настойчиво повторила вопрос.

– Нет! – непоколебимо ответил андалузец. – И решение мое окончательное. Это слишком большой риск, донна. И я на него не пойду.

– Выходит, бросаешь?! – тонкие ноздри трепетали. Взбешенная, она готова была не то расплакаться, не то вlepить ему пощечину.

– Я оставляю вас на время, пока не вернусь. Вот деньги, – майор деловито протянул расшитый бисером кошелек. – Снимешь квартиру. Здесь при умеренном расходе хватит на полгода. Если через этот срок не явлюсь – поставь за меня в iglesia²¹ свечу.

Пузатый золотыми кошелек тяжело брякнулся к сапогам владельца.

– Тереза-а!

Мексиканка была не из тех, кто разрешал держать себя на коротком поводке. Она уже вскочила в седло и, не сказав ни слова, хлестнула кнутом жеребца.

²¹ iglesia – церковь (исп.).

Глава 11

– Что ты делаешь со мной, старая ведьма? – Дон Луис скривился от боли.

В комнате пахло тортильей, жарким и той вонью, что напоминает запах овощей на грани гниения.

– Я просто роюсь в ваших ранах, сеньор, – спокойно буркнула Сильвилла. – У вас их больше, чем у меня седых волос.

Он с раздражением посмотрел на ее руки и, морщась от боли, прохрипел:

– Будь я лошадь, уже раз сто так бы лягнул тебя, старая, что ты собрала бы все стулья в вашем сарае.

– Ой, кабальеро! Ежели б вы были лошадь, я давно пристрелила бы вас и не горбатилась почему зря. – Расплывающийся бюст хозяйки ходил ходуном. Ее терзала грудная жаба. – И не орите, будто рожать собрались, дорогой сеньор де Аргуэлло. Я лечу вас по старинному индейскому рецепту моих предков.

Сильвилла ослабилась, показав неровные зубы. Крупные, они придавали ее лицу сходство с лукавой кобыльей мордой.

– Ну и воняет же, – капитан брезгливо покосился на темную и тягучую, как смола, мазь, которую толстуха ловко подцепляла указательным пальцем из горбатой половинки черепашьего панциря.

– Черт побери, я не такой уж и больной, мамаша. И если вы перестанете втирать в меня эту гадость при-горшнями, я скоро буду на ногах!

– Молчите лучше, сеньор, – Сильвилла потуже увязала замызганный пестрый платок и погрозила испачканным пальцем: – С болтовней уходит жизненная сила. Вам надо уснуть, дон. И не обижайтесь: поучая мужчин, женщины учатся сами.

В лицо капитану пахло пряностями, какими заядлые курильщики перебивают запах табака. Сильвилла поднялась со стула и, что-то кудахта под нос, удалилась.

* * *

Капитан дон Луис де Аргуэлло уже третий день лежал пластом. К вечеру его, как заколдованного, начинало лихорадить. Он чувствовал жар, язык сухим листом прилипал к небу.

Хотя Луиса и обмыли заботливые руки Сильвиллы, вид у него был еще тот. На лице запеклись коросты глубоких царапин, на груди, точно фамильный росчерк, пылал след шпаги майора. Капитан был зол, как раненый бойцовый бык, и жаждал реванша. Его плечи нервно подергивались под рубахой.

Заезжий незнакомец отбил его невесту, ранил на дуэли, раздражил, вынудил отступить и заставил выглядеть мельче, чем он всегда хотел казаться перед своими солдатами.

«Что ж, он сам себе нажил врага и вынес приговор! – Луис хитро улыбнулся. – Этот господин и его слуги будут доброй приманкой для того, кого кличут «Степным Дьяволом». Старик Муньос обстряпал дельце что надо, москиту нос совать некуда...»

Через два-три дня он будет в седле и вместе со своим эскадроном сядет ему на хвост. Трактирщик поклялся оставлять метки по пути следования. Капитан ни секунды не сомневался в том, что майор будет маскировать свою тропу, но Луис ни секунды не сомневался и в том, что он сам и его солдаты, закаленные в схватках с краснокожими, сумеют прочесть любой дьявольски сложный след.

«А Тереза... пусть эта бешеная кошка пеняет на себя. Ей не уйти от моих рук, а когда она окажется в них, я решу, что делать с этой гордячкой...»

Чтобы не вскрикнуть от боли, он зажал зубами трубку так, как рекомендовал полковой врач, когда отпиливал по-живому руку или ногу. С трудом перекатившись на живот, раненый встал на четвереньки и потянулся за коробкой с табаком.

«Чертова толстуха! Не могла поставить поближе!»

Покрывшись испариной, де Аргуэлло привстал на колени, чувствуя, как голова наливается свинцом. Вытянутая рука мелко дрожала, пальцы скоблили ногтями по вощенной ножке стула, но от коробки их отделяли неприступные полфута.

Сил совсем не осталось. Грудь горела, а слабость случилась такая, что хотелось упасть и более не подниматься. Застонав от отчаяния, капитан рухнул на волглую от пота подушку.

* * *

С тех самых пор, как Луис и Сальварес – сыновья-погодки уважаемого губернатора Калифорнии дона де Аргуэлло – вернулись из драгунских мундирах, пунцовых эполетах и чулках, спокойного житья поубавилось во всей округе. Они успели со своими солдатами затерроризировать не только обширные владения престарелого отца: молва об их расправах над инсургентами, беглыми каторжниками и рабами, отголоски их буйных кутежей долетали до самой столицы. О них бродило немало слухов, и ни одного доброго. Они заправляли в Калифорнии, но заправляли как дикие вепри, недаром молва окрестила их «стервятниками дорог».

Тот, кто рисковал перейти им тропу, а то и просто попался под горячую руку, оставался калекой или никогда не возвращался домой.

Светских манер им хватало ровно на тот срок, куда они пребывали в асьенде Эль Санто²². Но за ее стенами братья де Аргуэлло надевали иные маски, и когда они ставили ногу в стремя, глаза их смотрели уже недобро, с обещанием драки и крови.

Отец на это взирал сквозь пальцы, свято веруя в свой догмат: «Хочешь выжить в этой стране – в груди твоей должен быть камень». Старый сеньор де Аргуэлло служил испанской короне там, где следовало держать руку на пистолете и драться, чтобы его не выбили. Он взял за правило уповать лишь на силу и оружие, уверовав, что только в этом защита от врагов. И оттого грубость и жестокость стали для Эль Санто правилом.

Губернатору нравилось, что о нем летела молва как о суровом идалго – Железном Человеке. Его тешило сие прозвище. Век его был не прост: годы прочертили столько морщин, что их с лихвой хватило бы на три жизни. Но глаза оставались яркими, живыми, дерзкими. Старик с первых дней жил строго и правильно, но позже уверовал в свое превосходство, миссионерскую исключительность и в свою правоту. Боле он не обращался ни к Богу, ни к закону в вопросах правосудия. Он сам отныне решал, кто прав, кто виноват, а заодно с виновными карал и ни в чем не повинных людей.

Яблоки от яблони недалеко падают. Сыновья пошли в отца. Особой вежливостью и манерами они не отличались. Вместе и каждый в отдельности был истый порох – сорвиголова, братья страстно любили путешествовать и стрелять с соколиной точностью из любого оружия. Им наплевать было, откуда вести огонь: спереди, сзади, сбоку или из-под брюха коня. И главное, они никогда не отступали. Луис и Сальварес с детства росли в окружении лесных бродяг, трапперов и калифорнийских индейцев, а стало быть, привыкли жить со свинцом и капканом. Им были не понаслышке ведомы охотничьи и военные хитрости модоков и яхи²³. Оба научились носить и шить мокасины. Нога человека ощущает сквозь них каждый камешек, каждый сухой корень. Эти премудрости были весьма полезны и ныне, когда ноги их были обцелкнуты сияющим хромом кавалерийских сапог.

Братья – не разлей вода – франтили. Правда, это широкое щегольство было дурного тона. Фазанисто-яркое платье, провинциально смешные косынки и широкие галстуки. Если вздева-

²² Эль Санто – одно из прозвищ губернатора дона Хуана де Аргуэлло было «Эль Санто», что переводится как «святой». (Прим. автора).

²³ Модок, яхи – индейцы лесов и гор Верхней Калифорнии.

лись мундиры, то тут не обходилось без заливчатого шику. Шпоры пугали средневековой величиной, кивера²⁴ – ухарской сбитостью набекрень.

И внешностью природа не обделила братьев: по-южному броской, жгучей. Густой загар чернил оливковую кожу. Глаза тоже были отцовские: яркие, дерзкие, цвета кофе без молока. И тот и другой слабы были до женского пола; имели бойкий успех и, не жалея спин лошадей, совершали налеты на дальние пресидии и захолустья, где их ждали местные обожательницы.

Но при всей разухабистости и молодой дворянской спесивости слово отца было законом. Ни Луис, ни Сальварес главе семейства шпилек подпускать не смели. Только почтение да смирение, учтивость благонаравных детей.

Но пришло время, и беда постучала горьким кулаком в ворота асьенды старого дона.

Братья повздорили жестоко, категорично и... навсегда. Занозой сердца красавца Луиса стала дочь какого-то не то торговца, не то контрабандиста с окраины Мехико...

Поначалу сеньор де Аргуэлло не верил, отшучивался иль попросту посылал к дьяволу «заботливые языки»; позже, когда прозрел, метал грома и молнии, уговаривал, умолял, угрожал и, в конце концов, швырнул шляпу наземь:

– *Mater dolorosa!*²⁵ И это мой любимец! – подбородок старика походил на моченое яблоко.– И с этим я должен уйти в могилу! О небо! – Эль Санто плакал.– *Ad calendas graecas...*²⁶

Сердечная боль за старшего сына подкосила его и надолго приковала к постели. Это был второй удар в жизни достопочтенного гранда: первым его наградила любимица-дочь Кончита.

«Ужасный русский, ужасная судьба!» – не без слез говаривал седовласый губернатор. Удивительная, но и печальная история любви шестнадцатилетней Кончиты к русскому офицеру Резанову закончилась обетом безбрачия, горем отца и неистовым гневом братьев. Итогом сего романа и домом для девушки стал доминиканский монастырь на берегу пустынного океана.

С тех пор одно упоминание о русских повергало семейство де Аргуэлло в глубокий траур и бешенство.

Ныне горе отца было двойное и горизонтов не видело. После упрямого заявления Луиса о своей женитьбе дороги братьев круто разошлись, и, похоже, Фатум не желал боле свести их в горячем, всепрощающем объятии.

Луис долго страдал, грыз в отчаянии ногти у бивуачных костров, терзался разрывом, не спал ночами... Изводился до грудной боли и младший...

Но пролилось время – боль разрыва зарубцевалась и притупилась. Меж ними теперь уже не стало откровенной вражды и оголтелой ненависти; просто они отчетливо ощутили, что двум медведям в одной берлоге тесно... И там, где ступали копыта коня одного из них, одного и хватало.

* * *

– Сильвил-ла-а!!! – что было сил проорал капитан и, зло дергая щеткой усов, подумал: «Если эта старая толстая задница не даст мне табаку, я сдохну».

²⁴ Кивер – высокий военный головной убор.

²⁵ *Mater dolorosa!* – (у католиков) Скорбящая Богоматерь. (Прим. автора).

²⁶ *Ad calendas graecas...* – букв. «до греческих календ»; никогда (лат.).

Глава 12

– Гэй! Гэй! Гэй! – бич Муньоса не знал устали. Карета с пятигранными фонарями по углам, пружинисто подпрыгивая на ухабах, колесила на запад по Южному тракту. Антонио не унывал, и более того, как показалось всем, даже помолодел. Как только он ухитрился втиснуть свой необъятный зад на козлы, которые затрещали под этой тяжестью, широченная улыбка не сходила с его мордатого от пива и почерневшего от загара лица. Мелкие глаза, бегающие в поиске легкой наживы, беспокойно зыркали по сторонам. В дорогу он отправился в тех же затертых, в сальных пятнах штанах, толстом полосатом серапе индейской работы, высоких сапогах и кожаном сомбреро, на котором местами болтались обрывки медных цепочек и блях.

– Гэй! Гэй, дьяволы! Шевелите копытами! – бич отрывисто щелкал в горячем воздухе, разбавляя унылую монотонность дороги.

Был шестой час пути. Де Уэльва время от времени по-глядывал в оконце кареты. Глазами опытного солдата он привык замечать невидимое для остальных в далеком безобидном облаке пыли, в мелькнувшей в травах тени. Но горизонт был чист и спокоен. Обзору не мешали ни заросли кустов, ни мескитовых деревьев. Лишь желто-кирпичная долина с жарким удушным воздухом, заполненная стаями щебечущих птиц.

И только далеко на западе вздымались синие горы Сьерра-Мадре – крутые зазубренные склоны, изборожденные уступами и каменистыми курумами, затканые шипастыми зарослями. Спустя еще час дорога стала превращаться в каменистую пустыню. Пробегавшие местами лисы и койоты пугливо оглядывались на незнакомцев. Воздух постепенно начинал отсвечивать дрожащим пурпуром.

Мелкое трясье баюкало майора. Но сладкий дорожный сон, как назло, не шел в руку. Он откинулся на спинку сиденья, поглядывая на бегущую дорогу из-под широкой шляпы, надвинутой на самую переносицу.

Озабоченный взгляд его уперся в деревянную обшивку дверцы кареты. Мыслями он был далеко:

«Как там Тереза? – сердце подсасывала тревога. Вспомнилась ночь, когда они топили друг друга губами.– Старик Антонио сказал, что домой она не возвращалась... Где ее бес носит?..»

Прошел всего какой-то день, но всё перевернулось в нем, всё смешалось. По совести говоря, майор ненавидел себя за то, что дочка какого-то безродного мексиканца засела столь глубоко в его сердце. «До того ли мне?..»

Де Уэльву сместило и злило, что его – закоренелого грешника и тертого солдата – околдовали, как желторотого юнца. «Господи, сколько их было у меня!» Но в памяти оставались лишь яркие пятна интимных утех со слезами признаний, с мольбой и заламыванием рук, где альков пахнет подвигом и грехом, а ее величество война – как рука, протянутая утопающему...

Диего улыбнулся: «Да, черт возьми, наш брат такой». Бедные заневестившиеся «принцессы», стосковавшись по ласке, в один день теряли голову и честь от сияющих эполет и сабель. Но стрелы любви ни разу не ранили сердца де Уэльвы. «Ирония судьбы, или иное предначертание?..» –этим вопросом он и сам не раз ломал себе голову. Но, увы, ответа не находил.

Ему решительно славно было катить в коляске «после того, как...», да подальше, да поживей от обиженных глаз и надутых губ... Кусать свежий воздух, как яблоко, смотреть на небо и думать о радостной встрече с друзьями в полку.

Однако здесь, в Новой Испании, сердце майора за-стучало по-иному. Диего было не узнать... Он стал задумчив и резок в ответах – зеленоглазая Тереза не выходила из головы. Андалузец хранил на губах вкус ее поцелуя, и главное, что смущало, – он не желал его забывать.

И теперь, свершая путь на запад, он вспомнил слова покойного отца: «семья», «постоянство», «дом». От них сквозило уютом и... угрозой потери его личной свободы...

Вдали пыхнула молния, и до слуха путников донесся глухой раскат грома.

– Гони! – Диего приподнял велюровое поле шляпы. – Смотри, чтоб нам успеть до грозы выбрать место!

Возница тряхнул мясистыми щеками и гаркнул:

– Сразу видно, что вы не были в наших краях, сеньор.

– Это почему? – чиркнуло огниво и дрожащий язычок пламени осветил лицо, обрамленное черными кольцами волос.

После малого колебания Антонио оглянулся на рубиновый кончик сигары и, через отрыжку, бросил:

– Я прожил здесь предостаточно, чтобы знать: гроза разродится не ранее, чем через пару часов... И поверьте, сеньор, она пройдет стороной... Словом, у нас еще есть время, чтоб я сдох! Глаза-то у меня на месте, а видят – дай Бог всякому!

Он умело разогнал восьмеркой длиннющий кuarto²⁷ и подрезвил лошадей.

Дон, успокоенный ответом, вновь откинулся на спинку сиденья, прикрыл усталые веки; дорога, казалось, не имела конца и не предвещала ничего, кроме опасности. Необозримая альменда, красновато-бурая и безнадежно ровная, навевала тоску.

²⁷ Кuarto – кнут (исп.).

Глава 13

Глядя на открывшиеся бескрайние просторы дикой земли, де Уэльва вспомнил вице-короля, его бледную улыбку, которая не трогала стариковских глаз. Вспомнилось и его жесткое, надменное лицо, и последняя фраза: «Это вам понадобится удача, майор, прощайте».

«Действительно, нагрянули смутные времена. Что ждет Испанию завтра? Взлет? Падение? Былая мощь империи иль горькие воспоминания о ней?..» – в груди защемило. Интуитивно Диего чувствовал близкий запах краха, но разум гнал крамольные мысли.

День уходил в вечность. Гроза действительно прошла стороной. Впереди, на взгрудье холма, лохматилась сиротливая дубрава, и сквозь ажур ветвей раскаленной докрасна подковой пылало солнце, превращая воздух в золото-пунцовую пыль.

Де Уэльва поморщился, щуря глаза, оглянулся назад – и сразу всё изменилось. Холмы и лощины, далекая цепь облаков взялись покоем и ясностью, отчетливо прорисовываясь, как на картине. Закат высвечивал слуг, и они, казалось, пылали среди темной равнины, как три факела в сумрачном зале. Ржавой пылью покрылась кривая лента дороги, где карета с лошадьми и возницей отбрасывали густые длинные тени. Рука майора, высунутая в разбитое окно, светилась золотистым ореолом, пронизанная последними лучами солнца.

«А может, и верно распаялся старик Кальеха? – Диего, уперев локти в колени, сжал ладонями виски. – Вдруг действительно это лишь начало губельного конца... И в моей Отчизне никто не осознает до рокового часа... что произойдет? Неужели на этой земле, обильно политой нашей кровью, взрастут плоды чужих языков? Канет родная речь... Потухнет христианская мысль? И от нас останутся лишь жалкие руины былого, какие остались от империй язычников?..

Хотя посеянное зло порождает зло... В свое время меч Испании стяжал лавровый венок на черепах целых народов... кто рассудит? Вдруг пришел наш черед? С севера, через Техас, катятся волны варваров – необузданных гринго, не знающих традиций, не терпящих правил... таких же дерзких, как краснокожие кочевники».

На виске запульсировала жилка. Майор будто сам услышал далекий рокот приближающейся бойни. Очевидные признаки грядущей беды он видел еще по пути из Веракруса в Мехико: то тут, то там попадались разбитые армейские фуры, пробитые пулями кивера и лафеты пушек... Новая Испания уже перешагнула порог гражданской войны, и запах ее носился в воздухе. Дон сокрушенно покачал головой. Думы душили его своей неразрешимостью. «Гражданская война... Боже, убереги! Помогни одуматься! Братоубийственная, она всего жутче... “Свой” опаснее вражеских полков».

В огне освобождения Испании от французов ему довелось узнать многих добродетельных соотечественников, сердцами которых не задумываясь можно было мостить дороги. В их душах запах тлена и крови порождал неутолимую жажду власти. И пусть всего лишь на ничтожный миг, когда их алчные пальцы вцепятся в это кормило, его хватит, чтобы продать совесть Державы, отдать на поругание могилы предков, алтари храмов, навеки уничтожить славу народа...

* * *

Внезапно майор почувствовал, как похолодели ладони в горевших жаром перчатках. Он, будто сквозь сон, уловил зловещее уханье, что несло словно из-за края земли; затем нечто непостижимое, подобно смерчу, ворвалось в карету и, прошив ее насквозь, пронеслось мимо его плеча, извиваясь и корчась, точно живое.

Диего сидел, не смея повести пальцем. То, что прошло карету насквозь, не оставило ни следа, ни царапины... «Хотя должно было быть твердым, что пушечное ядро, – подумал Диего, – да и летело оно, точно его гнали черти!»

Меж тем империял продолжал путь. Папаша Муньос невозмутимо мурлыкал что-то за лакированной переборкой. Де Уэльва вздохнул. Лишь сейчас он почувствовал, что весь в поту. Содрав перчатки, он бросил их рядом на сиденье и выглянул из окна.

Густой сухой воздух обволакивал, как одеяло. Вечер уже распластал свои сиреневые крылья. Алый солнечный шар закатывался за горизонт притихшей равнины, следом спокойно рысили слуги; в широкополых шляпах они походили на трех нахохлившихся больших птиц, покачивающихся в седлах, как на ветвях.

...С неподдельным страхом Диего понял, что загадочное и таинственное обстоятельство коснулось только его.

...Карета вздрогнула, как живая, и остановилась. В оконце заглянула сальная рожа Муньоса.

– Лучшего места, сеньор, Господь не придумал. Вы-тряхивайтесь, ваша светлость.

Возница без спросу распахнул дверцу империяла.

Однако испанец не двинулся. Початок набрал страху в штаны, увидя неожиданную улыбку на строгом лице под загнутыми усами. Дон поманил толстяка указательным пальцем. Тот насторожился, почесал свое брюхо и многозначительно подвигал бровями. Не решившись послушаться, он наклонился к своему господину и... нос Муньоса точно попал в железные клещи. Пальцы подтянули возницу поближе.

– А знаешь, почему сразу заметно, приятель, что ты не был в Андалузии?

Глаза майора строго смотрели на перепуганного мексиканца, словно ожидающего последнего удара матадора.

– Нет, – искренне прогнусавил он.

– Да потому, что у такого наглеца, как ты, зубы целы. Не вижу уважения, Муньос. Чтоб в последний раз. – Пальцы разжались.

Глава 14

– Чего рот раззявила, дура? Пошла! Пошла прочь, старая! Где он?!

Лицо Луиса исказилось. Там, внизу, в распивочном зале слышалось испуганное кудахта-ние мамыши Сильвиллы, которое глушил медный глас...

– Сальварес! – сердце капитана бешено колотилось. – Откуда его черт принес?

По лестнице уже стучали каблуки, зло цеплялась за балясины сабля. Луис ругнулся сквозь зубы, сунул под по-душку заряженный трехствольник и замер.

Дверь скрипуче охнула: на пороге улыбался его младший брат.

Стройный, широкий в груди, загорелый и красивый как всегда. Большие карие глаза с нервным блеском смотрели колко. Высокий лоб с парой жестких складок венчала волнистая шапка волос, откинутых назад с дерзкой небрежностью.

– Гэй, Луис! Как же ты докатился до такой жизни? – Сальварес прошелся взглядом по кровавым бинтам.

В глазах его стояла ироничная усмешка, но в них же читалась и готовность мгновенно парировать любой скрытый удар.

Старший промолчал.

– Уж не твоя ли трущобная задрыга так приласкала тебя? Ой смотри, брат, эта стерва еще помажет дерьмом твою репутацию.

При упоминании Терезы кровь капитана зазвенела, глаза полыхнули:

– Полгода назад я сказал тебе: если мы окажемся на одной стороне улицы, ты перейдешь на другую. Так?

– Спокойно, Луис, игра не терпит нервозности.

– При чем тут игра? Я не шутил, Сальварес.

Младший захлопнул дверь и прошел в комнату, как ни в чем не бывало.

– Давненько же мы не виделись! У тебя есть время для меня?

– Зачем пришел?

Почувствовав, что у раненого напряглись мускулы, Сальварес миролюбиво поднял руку.

– Ты неизлечимо болен, брат, а вылечиться у тебя не хватает порошу. Ну да всё равно, мне чертовски приятно видеть тебя, старина, и даже хочется садануть под бок, как раньше, чтобы ты стал повеселее!

С этими словами, громко рассмеявшись, гость поднялся с табурета, но тут же замер. Рука капитана де Аргуэлло сжимала пистолет.

Глаза Сальвареса округлились:

– А ты быстр, Луис! – в голосе слышалась насмешка.

– А ты хитер! Вот так стой, и ни шагу вперед. Это будет лучше для нас обоих.

– Ну и дела! Вы только посмотрите, ангелы-хранители, как мой родной брат привечает меня. – С оскорбленным видом Сальварес снова уселся на табурет. – Ну, баста. Ты что же, так и будешь валять дурака? Знаешь же, в наших краях говорят: взял человека на мушку – убей... Может, всё-таки убереешь свой «тройник»?

– Охотно, но не раньше, чем ты убереешься отсюда к чертовой матери.

Все напускное добродушие слетело с гостя. Минуту они молчали, поедая друг друга взглядами, словно ягуары перед схваткой. Удары плеткой Сальвареса по голенищу звучали как удары хвоста перед прыжком.

Наконец по его лицу скользнула всё та же насмешливая тень:

– Неужели у тебя хватит духу убить меня?

Щека раненого гневно скакнула, затянувшийся рубец на груди дергало в такт сердцебиению, но рука продолжала держать пистолет привычно и твердо.

– Убить – не убью, но покалечу.– Из-под тонкой щетки усов влажно блестели зубы, и не понять было: то ли это насмешка, то ли угроза.

Младший ощутил во рту медный привкус. Медленно, очень медленно он отлепил лейтенантский китель от стены, на которую опирался, и процедил:

– Нет, я просто горжусь тобой, капитан! Да у тебя, похоже, мозги испеклись вконец с этой девкой! Но не забывай! Дом полон моих людей, а твои молодцы щупают шлюх по борделям, да макают свои фитили в их огонь.

– Здесь нас только двое: ты и я,– спокойно возразил Луис.– И если будет меньше, то сразу на двоих.

– Ладно зерна на ветер сыпать.– Сальварес разбавил перепалку звучным хохотом.– Давай о деле... В Саламанке я слышал от дель Оро, что ты снюхался с русскими и стал частенько торчать у них в форте. Стал другом господина Кускова? А как же честь Кончиты? Ты забыл о сестре?

– Каждый сам выбирает узду по зубам. Тебе, я слышал, нравятся кабальерос из тех, что не в ладу с законом?

Лейтенант ковырнул старшего брата взглядом и достал сигару.

– А мне плевать, с кем иметь дело, лишь бы Испания была цела!

– Но там, где ты, брат, всегда кровь!

– О тебе можно сказать то же самое, Луис. Ну вот что, я зверски устал, но, черт возьми, хотел бы, возвращаясь в Монтерей, привезти весточку от тебя.– Он протянул руку к висящей на стене бутылки; но не успели его пальцы сомкнуться на горлышке, как пистолет харкнул сгустом жирного дыма, и тугие водяные усы хлынули из ее боков.

Луис тут же снова взвел курок трехствольника.

– Быть может, так я смогу научить тебя хорошим манерам. А отцу передай: я люблю Терезу и от решения своего не отступлю!

Ошарашенный Сальварес, растопырив пальцы, медленно отступил к двери.

– Луис, а тебе не кажется...

– Нет!

– И это всё, что ты изволишь...

– Да. И вот что запомни, брат: твои волонтеры нужны нам только затем, чтобы гасить смуту и не допускать чужаков в Калифорнию,– красные бинты высоко вздымались.– Запомни это, и покрепче!

– Да уж, запомню! – младший скрежетнул зубами, ноздри его трепетали. Он круто развернулся и собирался уже уйти прочь, когда услышал:

– Как здоровье отца?

Лейтенант недоверчиво повернул голову.

– Как сестра?

Приободрившись от проявленного интереса, он решился переступить рубеж, который прочертили между собой уже давно, после ночных скандалов, свинцового молчания, пьяных сцепок и ругани.

– Тебе это правда надо? – глаза его влажно блеснули.– Или ты спросил ради меня?

Луис покачал головой:

– Нет. Ради своей совести.

Сальварес горько усмехнулся:

– Благодарение Господу нашему – дон Хуан здравствует... Кончита по-прежнему в монастыре...

– погоди! – капитан бросил пистолет на подушку.– А ты какого черта делаешь здесь, в Мехико?

Сальварес загадочно улыбнулся, смахнув с мундира упавший волос, и подмигнул:

– Охочусь на мадридского волка.

– Что?! – барабанные перепонки Луиса заныли, в ране запульсировала низкая басовая нота.– Дьявол! Откуда ты знаешь о нем? Это моя добыча!

– Ну это еще надо посмотреть, кто будет удачливей на тропе,– ухмылка младшего застыла. Он видел, как род-ные с детства глаза полыхнули рубином, и понял, что крепко подцепил новостью брата.

– Эй,– скулы Луиса покрывала испарина.– Это можно решить и хорошо, и плохо...

– Пошел ты к черту! – Сальварес задержался у двери.– Ты перешагнул через волю отца, ты спутался с русскими, забыв о сестре, о клятве, что мы дали, когда Кончита из-за одного из них ушла в монастырь! Ты предал наш род, а теперь предаешь Испанию!..

– Заткнись, щенок! Думай, что несешь! – капитан вцепился пальцами в простынь. Черная вздувшаяся вена кроила красный лоб.– Значит, ты решил по-плохому, брат?..

– Клянусь молоком матери Иисуса, если мадридец уйдет от меня, я сдеру свои эполеты и принародно сломаю клинок.

– Не-ет! Ты не сделаешь этого, брат,– хватаясь за рану, взорвался Луис.– Он мой! Мой!

Но Сальварес уже шагнул за порог, на свет, засиявший на его эполетах расплавленным серебром.

Луис уткнулся в подушку и застонал:

– Мадонна! Неужели от душевной муки так же падают, как и под ношей?

«Отец! Тереза! Сестра! Брат!»

Он рыдал: петля Фатума настигла его. Окольцевала шею и так затянулась, что нечем стало дышать.

Глава 15

Шел восьмой день пути. Шесть из них путники, подобно крошечному ручейку, влившемуся в полноводную реку, делили с пехотой роялистской армии. Они примкнули к стальной колонне, не доезжая Пачуки. Ныне Пачука осталась позади, как остались позади те, кто скончался от ран, кто наскоро был предан земле под скупую барабанную дробь и воркование полкового пресвитера.

Гренадерский полк под началом сеньора Бертрана де Саес де Ликожа, разгромив повстанческие орды на Юге и потеряв чуть ли не три четверти «красных кистей» лучшего первого батальона, стаптывал теперь каблуки сапог, следуя на Север, в местечко Сан-Педро-де-ла-Колоньяс, по приказу герцога Кальехи для воссоединения с главными силами.

Дорога вилась между красно-коричневых валунов. Стоял зной. Не зной, а настоящее адово пекло. Небо и земля дышали испепеляющим жаром. Всё притихло и студенисто колыхалось в плавящемся воздухе, забилося в гнезда и глубокие щели; ни щебета птиц, ни вечной трескотни цикад. Огненное светило было столь велико, космато и пугающе низко, что, казалось, вот-вот вспыхнет земля, возьмутся огнем скалы и превратятся в золу и пепел. Дорогу сотрясал разнобойный топот ног, изнуряющий скрип армейских фур, дробящих жерновами колес гальку, хриплые крики офицеров и тысячегрудое, надорванное, будто простреленное, дыхание измученных гренадеров.

Диего приоткрыл глаза, в карете было душно, как в турецкой бане; он настежь распахнул окно – полуденный зной ввалился в салон. Майор отхлебнул из фляги: вода превратилась в противное теплое пойло. Выглянул в окно: глаза ослепил белоогненный блеск солнца на каждой кирасе, на каждом штыке, пуговице, бляхе ремня, кокарде.

Дон сурово молчал, глядя на это тяжелое и большое движение людей, перетянутых солдатским ремнем Великой Испании. «Кто они? Чьи дети? Зачем упрямо идут на Север, объевшись страданиями и страхом смерти?»

Диего пристально посмотрел на молодое безусое лицо солдата, идущего рядом с его экипажем. Бронзово-медное от загара, оно не могло скрыть бледности. Должно быть, он крепко хлебнул под Бальсасом или Куэрнавакой, что так и не смог оправиться. . . Согнутая рука, судорожно державшая потрескавшийся ремень ружья, казалась от напряжения деревянной. Губы дергались всякий раз, когда он наступал на левую ногу. Майор вытащил платок и вытер мокрое лицо, перекатывая сигару в пальцах, вздохнул: такого опаленного страхом лица он не видел давно.

«Господи, откуда этот мальчишка? Из бискайской, кастильской, андалузской или, быть может, из какой другой провинции?..»

Де Уэльва протянул из императора руку, коснулся его плеча, ободряюще подмигнул. Солдат, не останавливаясь, повернул голову, как сквозь похмельную дрему, посмотрел на дону. Крошечные тычинки зрачков бессознательно скользнули по лицу майора. В них не было ни мысли, ни живости – они искали спасительной тьмы и прохлады.

– Вперед, парень, сквозь жару и пыль! Ты будешь генералом, солдат, – майор подал ему фляжку.

Тот, не сбавляя шага, равнодушно ухватил ее, жадно запрокинул и долго пил. Вода бежала по малиново-бурым щекам, шее, оставляя темные дорожки на выгоревшем сукне мундира. Утолив жажду, он вернул фляжку, не сказав ни слова, лишь тупо в знак благодарности мотнув головой.

* * *

Диего был задумчив, Гонсалесы молчаливы, зато папаша Муньос явно пребывал в ударе. Он величаво восседал на своем скрипящем, громяющем троне и напоминал круглый буй,

омываемый со всех сторон стальной щетиной штыков, киверами, ранцами. Старик взаправду считал, что без него, Антонио Муньоса, трехмильная колонна солдат всё равно что Мехико без дворца Кортеса.

Его дубленая шкура, похоже, была невосприимчива к зною: перченый завтрак, раскаленная латунная фляга с вином и ощущение безопасности служили источником его прекрасного расположения духа. Все остальные мелочи жизни возница просто презирал или, может, умело делал вид, что презирает. Он без умолку болтал с остроухими лошадьми, угрюмыми гренадерами, а сейчас наседали с поучениями на невозмутимого Мигеля:

– О, то что ты хочешь стать бравым солдатом короля, сынок, а не канатным плясуном, я знаю! Что ж, одобряю!.. – Початок приложился к фляге. Вино было горячее, будто с костра. – Усвоил. Молчишь? Ну, Бог с тобой. Жаль, что я стар и не могу заняться тобой. Клянусь небом, уж я бы постарался сделать из тебя славного бойца. Пусть попотел бы – да, но сделал. Лучше поздно, чем никогда, верно? – Антонио утер волосатым кулаком щеку, прикрикнул на лошадей и продолжил: – Мог бы, но не сделал. Семья, хозяйство, сам понимаешь. Одной птицы – целая армия, и со всеми надо воевать... То-то!

Мигель, казалось, не слушал бульканье толстяка, а если и слушал, то вполуха, не более. Омертвелый от усталости и зноя, он глядел из-под нахмуренных бровей на дальние шеренги солдат, жерла пушек и лошадей, что были там, впереди, где дорога делала поворот; и они казались ему бесплотными, словно плывущими в беззвучном мареве.

– Тысяча чертей! Слушай меня, Мигель, и клейми память. По всему видно, что ты еще молод и глуп, – не унимался Початок. – Уж кто-кто, а я всегда держу ухо к земле, нос по ветру.

Голос его, как сквозь горячую вату, доносился до юноши.

– Если хочешь стать настоящим солдатом... не дай тебе Бог позволить какой-нибудь юбке надеть на тебя хомут. От них все несчастья на земле... от этих дур!

Возница на миг подобрал огромное брюхо и приложился к фляжке. Хлебал он с толком, не торопясь, не отрывая губ от скачущего на ухабах горлышка. Спокойный Мигель для него сейчас был словно оазис в пустыне молчания. Звякнула крышка, Муньос облизнулся.

– В мои лета, сынок, глоток вина – большая утеха. Когда-то и я был красив, как Бог, строен, как кипарис, и бегал за бабами; но теперь они для меня, что коню – второй хвост. – Он указал на свой расплющенный нос-баклажан: – Это кулак Сильвиллы поработал! Она поймала меня с одной пташкой! И так шибанула, что с копыт долой! У меня до сих пор звенит в ушах. Дьявол, она едва не пробилла мной стену! Но, клянусь головой, я еще легко отделался. – Он вдруг мечтательно закатил глаза. – А задница у той пташки была что надо... как два гренадерских ранца, чтоб я сдох!

Папаша Муньос хмельно улыбнулся, наматывая на кулак длинные вожжи.

– Правильно говорил падре Наварра, что женщина и Библия – злейшие враги! Я пораскинул как-то мозгами, и что же? Так оно есть, всё в точку! Писание блуду – меч острый... А баба, хоть ты лопни, не может без греха! Вот оттого она и редко палец муслиявит, чтоб страницу Святого Писания перелистнуть. Зато и Библия, сынок, не в долгу! Ее, как дыню, за бок не удержишь. Сколько не прочитай баба псалмов – всё равно дурой останется!

– Да заткнись ты! – оборвал толстяка старый кривоногий фельдфебель, весь в рубцах. Колючие глаза зло буравили болтавшегося на козлах Антонио. – Сам-то трещишь хуже последней суки. Чего привязался к парню?

Муньос будто язык проглотил. Надулся, как мышь на крупу, выпятив подбородок и опустив уголки губ.

Некоторое время шли молча. Раскаленный воздух дрожал, и беззвучно дрожали придорожные валуны, будто готовые расплавиться и потечь.

– Я вижу, дорога у вас не из лучших... дальняя, через страну индейцев, – фельдфебель чмякнул потрескавшимися губами.

Мигель кивнул головой, глядя с интересом на дружелюбно настроенного вояку. Тот улыбался седыми усами, поправляя тяжелое кремневое ружье и чешую кивера.

– Что, тяжело? Ничего, попривыкнешь, как я... А если нет – сдохнешь. Когда увидишь краснокожих – держи ухо востро. Когда ты их не видишь, будь осторожен вдвойне. Никогда не высовывай нос и не позволяй себе показаться на фоне неба или развести дымный костер. Поверь моим ранам, – обветренное, в рубцах лицо фельдфебеля надломилось в улыбке. – Я прежде здоровался с людьми, которые плевать хотели на эти советы... Кости их давно растащили грифы.

Они миновали еще изрядный отрезок дороги, когда старый солдат добавил:

– А вообще-то, когда есть возможность... чтоб не содрали скальп, больше пей, парень, пьяному и умирать не так страшно. Это у нас всякий сопляк-рекрут знает.

Глава 16

Барабанная дробь и сигнальная труба подровняли рваные шеренги. На какое-то время почудилось, что пропала смертоносная духота, усталость и страх.

Дон выбрался из кареты, пересев в седло своего буланого иноходца, остро огляделся.

Солнце вскарабкалось выше, притихло, будто напуганное. Пристальный взор майора увидел замелькавшие спины солдат, цепкое ухо различило хриплые голоса команд и залиvistое ржание лошадей. Полк готовился к привалу перед боем.

Впереди за каменистым гребнем курились столбы черного с кровью дыма – там был город Керетаро. Те, кто установил на его стене повстанческие знамена, не собирались сдаваться на милость победителя. Они слишком хорошо помнили о свирепой резне в Ситакуаро. Тогда с целью устрашения инсургентов генерал Кальеха дель Рэй приказал стереть город с лица земли. Город умер, он был разграблен, обесчещен и сожжен, а трупы тех, кто пытался бежать или сдать на милость солдат короля, сплошным ковром устлали дорогу на расстоянии семи лиг.

Нынешняя схватка обещала быть жаркой: это показала наскоро проведенная рекогносцировка²⁸, – а значит, непредвиденная остановка могла длиться время долгое...

Де Уэльва не желал терять ни единого часу, а посему относительно безопасному путешествию в обозе королевских усачей он предпочел более рискованный, но зато решительно более скорый способ передвижения в одиночку.

«Роялисты и мятежники будут всецело заняты друг другом, – рассуждал дон Диего. – Это как раз то, что мне и подходит. Мы обогнем Керетаро южнее и уже к ночи оставим позади опасную территорию».

Меж тем, по всей равнине уже грохотали и трещали барабаны, свистела флейта-пикколо, под крики капралов и унтер-офицеров разбивались палатки, ставились караулы, тут и там мчались гонцы и курьеры с приказами.

На взгорье вспыхнул золотом шатер полковника Берг-рана де Саес де Ликожа, а рядом захлопал на ветру тяжелый и грозный штандарт Испании в окружении красавцев драгун с конскими хвостами на серебристых шлемах.

Пыльная дорога, казалось, обратилась в расплзающуюся по обочинам стальную лаву. Кирасы, штыки, оружие, – всё горело, двигалось и искрилось на солнце. Бело-зеленые пuffy – отличительный знак полка – колыхались над дружными и, похоже, повеселевшими солдатскими рядами.

Вознице было приказано повернуть четверку лошадей, съехать на уходящий к юго-западу сверток. Дорога же роялистов уходила круто на север.

Братья Гонсалес пособили Муньосу управиться с упрямявшимися животными, когда по солдатским рядам прокатился ропот.

Сам сеньор Бертран в окружении свиты изволил проститься с мадридским гонцом. На полковнике алел богато расшитый бархатный плащ, из-под каски с белым развевающимся плюмажем смотрели пронизательные глаза, искрились золотыми косами аксельбанты.

– Был рад услужить, майор! – Бертран бросил к виску белую крагу. Вороной чистейших кровей плясал под полковником. – Надеюсь, не в последний раз видимся! Прошу, не откажите, – он щелкнул пальцами.

Славный адъютант, как будто только и ждал, подлетел стремглав с ореховой шкатулкой.

– В залог неременной встречи – примите мою Библию.

²⁸ Рекогносцировка (лат. *reconoscere* – рассматривать); в военном деле – разведывание характера местности, а также численности и рас-положения неприятеля.

Глаза де Уэльвы вспыхнули благодарностью. Прежде чем взять подарок, он вынул из подсумка свою табакерку, резанную из слоновой кости.

– А это вам, полковник. Главное, мы делаем общее дело. Благодарю за помощь.

Бертран кивнул головой, играя глазами и табакеркой.

– Честь имею, майор. Меня ждут. Прощайте!

Звения шпорами, свита развернула храпевших коней и весело унеслась.

Глава 17

Антонио было не узнать, он точно воды в рот набрал, сразу вдруг стал меньше и незаметнее. Отъехав с четверть лиги, он с горьким сожалением оглянулся на курящиеся дымки солдатских костров, где всегда можно было найти радушный приют и не только поглазеть на закопченный котел, в котором ароматно булькали крупа и мясо... Муньос любил полакомиться за чужой счет и очень сожалел о потерянной дармовой кормушке, но пуще о том, что спокойная жизнь его кончилась. Впереди за Саламанкой – если эта пресидия еще не была спалена – лежала огромная, нехоженная страна краснокожих, пересечь кою им было суждено малым числом и долгим временем.

Смелость и жажда приключений Початка таяли по мере того, как они всё глубже и глубже забирались в неведомую даль. Дурные предчувствия жужжали вокруг него, как пчелы около улья... Он даже взмок от волнения, непрерывно вытирая лицо.

К вечеру Антонио передумал столько, что голова шла кругом, а сердце готово было вот-вот выскочить из груди: он боялся индейцев, суровых слуг майора и его самого. Он видел, как Алонсо, Фернандо, да и Мигель подозрительно смотрят на него, будто уже знают что-то и говорят:

«Глаз да глаз нужен за этим сукиным сыном. Похоже, он что-то задумал...»

Страшился Муньос бандитов, рыскавших волчьими стаями в сих местах. Однако хуже зубной боли его мучили воспоминания о доне Луисе.

Зловеще сказанные слова капитана: «Обманешь – ты мертв» как удар копыта мула встряхивали его. Только теперь он вспомнил, что ему пора бы оставить условную метку, но сейчас это было опасно. Мысль же об участии в поимке Дьявола повергла толстяка в отчаяние. Он слышал о НЁМ сотни раз, видел – однажды и, признаться по совести, был бы счастлив не видеть вновь.

«А ведь мне предстоит еще и выманить эту нечисть! Будь проклят день, когда я клюнул на эту затейщину! Уж лучше б сдохнуть от проказы! Искать ЕГО в этой прорве скал и равнин, – всё равно что девственницу в округе Сан-Мартина!»

Старик бросил нервный взгляд по сторонам, встретился глазами с доном. Тот, прищипав скакуна, одарил толстяка ободряющей улыбкой. Початок поторопился ее вернуть, воровато пряча глаза. От мысли, что должен содействовать убийству сильного, красивого, знатного сеньора, кончики ушей его похолодели. Он понял, что идет по шаткому подвесному мосту. Малейший промах – и ему конец. По спине вновь прокатилась холодная волна. Несмотря на то, что сеньор де Уэльва, случалось, чехвостила его, и знатно, Початку нравился его новоявленный господин; более того, внутреннее чутье подсказывало, что если кто-то и мог протянуть ему руку – случись что! – то, несомненно, лишь дон Диего. Антонио было жаль майора, которому капитан уготовил такую ужасную участь... Конечно, Початок был плут еще тот, но мысль о предательстве и убийстве, тем паче своего спасителя, претила. Да и Тереза, узнай об этом, прокляла бы его. А перспектива доживать остаток дней с камнем убийства на сердце не радовала.

– Тебя что-то тревожит? – де Уэльва, поравнявшись с возницей, пристально посмотрел ему прямо в глаза. Выражение лица дон испугало старика. Глядя на своего господина, как змей на мангуста, он пробурчал краткое «нет».

Что он врал, было ясно и дитю.

– Тебе лучше сказать правду, Антонио, – дон Диего не спускал насмешливых глаз с посевшего лица. – И смотри, без глупостей! Ты знаешь эти места, а мы – нет. Если что-то не так – предупреди! Иначе мы не сможем тебе помочь, когда станет туго.

– Я... я... – Початок испугался, заметив, как сел на мель его голос, сплюнул в сердцах. Майор будто читал его мысли.

– Я здесь только потому, сеньор, что вы мне платите два пиастра в неделю, а вовсе не для того, чтобы умереть.

– Разумно, – взгляд дона скользнул по склонам холмов. В пустынной земле чувствовалось нечто тревожное. Может, потому, что он не мог выбросить из головы того наглого капитана? Может, именно в сей момент Диего впервые ощутил после девяти часов непрерывной скачки: кто-то идет по их следу. Осторожно, выдержанно, но неотступно, через каждый час стирая их следы своими. «Кто-то охотится за нами, но кто?..»

Когда он был еще корнетом, совсем юным, то жаждал зверских атак, с визгом шрапнели и звенящими сталью рубками... Тогда ему верилось, что драка лоб в лоб сделает его бесстрашным и закаленным, как булат дамасского клинка... Но, увы, заблуждался. Тем не менее бивачная жизнь не только лудила желудок походным харчем, она оставила свою метину: жажда одних атак – далеко не всегда мужество, а зачастую и глупость. Корень мудрости в этом вопросе – рассудительность, здравый смысл. Луис де Аргуэлло его, похоже, не имел, отсутствовал он и у его солдат.

«Если это капитан... – решил Диего, – то он в погоне за сатисфакцией, а она в сих местах, – майор еще раз беспокойным взглядом скользнул по неприятным гребням холмов, – только одна – смерть...»

Сто опытных драгун при мушкетах и саблях, а он с тремя слугами и не внушающим доверия проводником...

«Проклятие! Продолжать путь по дороге равносильно самоубийству. Вернуться к Бертрану?.. Чертовски жаль времени, но еще более жизни и секретного пакета, который поклялся доставить до места... Но если и поворачивать, где гарантии, что не отрезан путь? Дьявол! Возможно, они уже насыпают порох на полку и в ладонях катают свинец. Осторожность всегда окупается, а если повезет, дает и выгоду...»

– Поворачивай лошадей! – дон поднял на дыбы жеребца. Гонсалесы и Мигель тут же съехали на каменистую тропу. Им не надо было разжевывать, что из-за любой скалы они могли быть продырявлены пулями.

«Смерть дьяволу! А ведь андалузец прав! Лучше иметь одного врага, чем двух!» – стучало в голове Муньоса. Он яростно говорил с пристяжными и коренниками, концом своего возникшего кнута обжигая уши одним, а ляжки другим. Но всё же устойчивый страх перед капитаном заставил его втихоря время от времени швырять пару-тройку горстей соли; белая, она яркой метиной оставалась на бурой земле.

Салатная зелень дубравы поглотила карету и всадников. Около лиги они крутились среди морщинистых кряжистых стволов, после чего спустились в ложбину песчаного яра, которая образовала настоящий лабиринт в стране утесов и скал.

Двумя часами позже майор направил карету в такие густые заросли, что папаша Муньос успевал только жмурить глаза, а всадникам случалось даже вынимать ноги из стремян.

Это были глухие, безлюдные места: империя скорпионов и змей, юкки²⁹ и кактусов, скрывавших всадника со шляпой. На обочине звериной тропы ныряли за своей добычей канюки, а другие хищные птицы неслышно кружили над ними в вяло текущем воздухе.

Вконец измотанные, с кирпичными лицами, в изодранных плащах, они выехали из чащи. По приказу дона Диего возница продолжал раз за разом менять направления, выбирая каменистые участки, где копыто и колесо не оставляли явного отиска.

– Дон, я умоляю вас, не гоните так лошадей! – временами орал ошалевший Початок.

Но всякий раз слышал веселое, неизменное:

– А зачем их тогда держать, если тихо ездить!

²⁹ Юкка – хорошо известный представитель пустынной флоры – юкка древовидная (*Jucca brevifolia*). Вид юкки, имеющей древесный ствол, достигает высоты более 12 метров. (Прим. автора).

К концу дня они на славу замели и запутали следы, захмелели от усталости, но покоя на сердце не было. Диего был уверен: «хвост» всё равно найдет «голову» и, увы, скоро. Те, кто шли по пятам, шли не за их кошельком, они шли за их кровью. Тешило одно: если капитан со своими людьми приготовил для него петлю, то прежде не раз придется перевязать ее узел.

«О, силы небесные, смилуйтесь надо мной!» – тихо по-скуливал Початок. Его ячменные глаза с болью поглядывали на неумолимого андалузца и каменные спины его слуг. Задница папаши Антонио, похоже, испеклась за день на козлах и при каждом ударе кричала: «Господи, Боже! Этот сумасшедший испанец не успокоится, пока мы все тут не сдохнем». Увы, толстяку оставалось только скулить; кипя от бессильной ярости, он крепче нахлестывал лошадей.

Глава 18

Они стреножили коней в глухом распадке, с чахлой, мрачной зеленью на уступах. Стиснутый с двух сторон каменистыми зубьями, он напоминал разрушенный циклопический склеп. Как бы там ни было, а место майор выбрал толково, со знанием дела. Оно оказалось удобным как для ночлега, так и для наблюдения. Через узкую горловину теснины, как сквозь щель рыцарского забрала, был хорошо виден широкий разбег скоро меркнувшей альменды.

Пока Мигель справлялся с костром и парусиновым навесом, оба брата кормили из шляп лошадей и рассматривали корявый строй каменных исполинов. Исчерневшие и выветренные тысячелетиями, они обросли глубокими трещинами, надломились, а то и упали.

Чтобы не вызывать подозрения, Антонио между делом чесал языком:

– Эй, братья-разбойники, чем занимаемся?

– А ты незрячий? – Гонсалесы нахлобучили шляпы.

– Э-э, невидаль – лошади. Подумаешь, спины сбили! – Початок громко зевнул. – Эх, мной бы кто позанимался... Я вон свою задницу сбил почище любой вашей кобылы, и то молчу... А вы, понимаешь ли, распустили тут языки! На то они и лошади, чтобы хребтину сбивать...

– Вон, гляньте-ка лучше сюда! – он тыкнул пальцем в покрытое густой паутиной трещин зеркальце.

– Ты что, купил его, чтоб любоваться на себя? – откликнулся Алонсо.

– Глупый! Что б ты понимал! Ты в этих делах разбираешься, как бык в мясе! Из-за вашей чертовой свисто-пляски по ухабам я раздербанил любимое зеркало моей несравненной жены. О, горе мне, горе! Что я теперь скажу моему сокровищу? А-а? Ведь когда она, несчастная, посмотрит в него, то брякнется на пол, подумав, что ей двести лет!

Участия от братьев Гонсалес Початок не получил, и потому, справив свою малую нужду тут же, у каретного колеса, ревниво принялся ковыряться в корзинах со снедью.

– Ты никогда не задумывался, папаша, почему люди так ненавидят Иуду?

Антонио вздрогнул и замер. Рука с бутылкой вина точно прикипела к плетеному краю корзины. Он медленно повернул голову: четыре пары глаз, как индейские стрелы, пригвоздили его к высокой каретной подножке.

– Послушайте, какого черта... вы...

– А я полагал, ты знаешь, – де Уэльва устало затянулся сигарой.

Возница медленно, будто в кошмарном сне, опустил руку. Под пронзительным взглядом майора его, как давеча, прошиб пот.

«Всё рассказать, во всём признаться... Повинную голову меч не сечет... нет, нет, а может, они ни черта не знают и просто запугивают меня... Господи, если я проболтаюсь, Луис раздавит меня, как вошь! А что будет с семьей? А деньги... мои золотые?!» – О, как ему хотелось, чтобы Луис очутился на его месте.

Антонио не чувствовал под собой ног. Нет, он видел их, но хоть убей, они были чужими.

– А ведь у тебя жена и дочь, старик? – Диего говорил спокойно и тихо, но от слов его так и сосало под ложечкой.

– Да-а... – пузан испуганно кивнул головой.

– Но ты, видно, перестал любить их, Початок? Не так ли, Фернандо? – Алонсо подмигнул своему брату, а затем и ему, Муньосу.

– С чего вы взяли? Эй... ой, что вы задумали? – взгляд Антонио умоляюще уцепился за дона Диего, пухлые пальцы сотрясала мелкая дрожь. – Почему вы спрашиваете об этом?

– А почему за нами охотятся? – вопрос Мигеля, будто удар в поддых, заставил толстяка раскрыть рот.

– Не может быть... – просипел он. Глаза округлились, превратившись в два озера страха.

Испуг возницы, без сомнения, забавлял слуг. Они улыбались, опираясь на изогнутые клинки сабель, и хитро по-глядывали на него, словно говорили: «Ты не подсказешь нам, кто они?»

«Пропал! Весь! Целиком! – сердце Муньоса застряло в горле. Они оказались куда хитрее и прозорливее, чем он мог предположить. – Господи, какой я дурак!» Воображение уже рисовало картины в багровых тонах.

– Мы, пожалуй, расстроили твои планы, пузан, не так ли? – Диего стряхнул пепел. – Печальная история, приятель...

В глазах майора блеснул лед:

– Ты что – отпетый дурак, если решил, что я забуду о тебе? – андалузец властно взглянул на Мигеля, тот что-то сунул в руку, и это «что-то» колючим песком хлестнуло щеки Муньоса.

«Соль! Они нашли соль!» Ноги подкосились, он вяло сполз по спицам колеса, без ума, без памяти примостившись на выступающую ось.

Початок долго сидел, как оглушенный, покуда наконец не очухался.

– Я знал, что ты жаден и глуп, мерзавец, – дон подошел к нему вплотную, – но что настолько, право, не ожидал. И это благодарность нам за твое спасение?

– Я... ничего... я ничего не знаю, – старик едва ворочал языком. Затравленный взгляд скакал с одного на другого.

Лица испанцев окаменели, и наступила тишина.

Желтая луна зависла над ними золотым кастельяно на нитке, и слышно было, как где-то на равнине затянула переключку тоскливая волчья песня.

– Значит, ты ничего не знаешь?.. И о капитане Луисе тоже? – Фернандо отбросил саблю.

– Капитан Луис? Вы сказали, сеньор, капитан Луис де Аргуэлло? Нет! Первый раз слышу!

– Позвольте, дон, я пощупаю эту грушу, – усы старшего Гонсалеса хищно дрогнули. – Это моя работа. – Толстяк нервно засучил ногами и застонал. Увидев своего палача, он едва не задохнулся:

– О, да... Это не совсем правда, он мой будущий зять... жених моей дочери... Да к чему эти вопросы? Вы же и так всё знаете...

– Ну, гнида! Ты для него разбрасывал соль?! – жилет затрещал под руками Фернандо. Муньос вспомнил «заботливое» напутствие капитана: «Твое молчание – твоя жизнь», но тут же забыл о нем, парализованный яростью Гонсалеса.

– Не прикасайтесь ко мне, я... я... Клянусь всеми святыми, я не врал вам, я только обманывал...

– Что?! – прорычал Фернандо. – Да я вспорю сейчас твое брюхо и накормлю твоими же потрохами!

Антонио чувствовал, что теряет сознание. Всякое присутствие духа вылетело вон. «Господи! Я уж тысячу раз проклял себя, что подписался под предложением Луиса... Черт с этими реалиями! Лучше б я жил, как жил».

Когда пальцы Фернандо коснулись его потной шеи, он пролепетал срывающимся голосом:

– Я скажу... я скажу всё, что знаю.

Присевший рядом Алонсо потер руки.

– Меня заставил капитан Луис. Это он, клянусь Небом, я не хотел, я сопротивлялся... Но он пригрозил, что вздернет меня и отдаст дочь на растерзание своим солдатам, если я откажусь. – Лицо трактирщика пылало красными кляксами. Лоб покрылся клейким потом и был изборожден морщинами страдания.

Что это походило на правду, майор не сомневался: капитан мог так сказать и мог сдержать свое слово. Початок кусал и облизывал пересохшие губы. Они были белы, как мел.

– Что вы задумали?.. – глаза его стреляли вопросами.

Испанцы сурово молчали, лицо Антонио вдруг скомкалось, как лист бумаги, задергалось, стало бесформенным, серым и жалким. Дыхание будто остановилось. Мясистые губы поджались валиком, образовав тонкую кривую щелочку на трясущемся лице.

– Не убивайте, не убивайте, – скулил он и плакал. И плач сей становился все сильнее и громче, переходя в рыдания, похожие на жалобный вой старого пса.

– Позвольте, дон, я сверну ему голову. Он предал нас! – Алонсо сгорал от злости.

– Остыньте! – майор повелительно поднял перчатку. Ему вдруг стало жаль старика.

Склонившись к нему, он взял его за дрожащее плечо:

– Поклянись, что ты сказал нам всё, что знаешь.

Перепуганный, но обрадованный наметившейся переменой, Початок утерся рукавом, тяжело поднялся и, откинув сиденье на козлах, достал из вместительного багажника металлическую сеть.

– Вот! – он торопливо опустил ее к ногам молчавших испанцев и рассказал всё о замысле капитана.

– Значит, мы должны быть по твоей милости мясом для этой твари! – Алонсо и Фернандо, казалось, стали еще выше.

Муньос, не раздумывая, шмыгнул под защиту Диего де Уэльвы.

– Вы что же, дон, опять хотите поверить и отпустить эту вонючую крысу? – желваки грецкими орехами перекатывались под кожей Мигеля.

– Поверить – да, но не отпустить, – майор повернулся к старику, голос его звучал по-иному, что насторожило возницу. – Я бы мог казнить тебя, но не сделаю этого. Будешь помогать нам – поможем и мы.

Муньос бухнулся на колени и попытался облобызать ботфорты своего спасителя, но Диего отошел прочь.

– Но помни, Антонио, доброта моя не безгранична. Люди мои будут держать тебя на мушке и, если узнают вновь о твоих кознях... сотрут в порошок. Ты рассчитывал выдоить из меня деньги, как из коровы, а затем отдать на съедение волкам. Но ты столь глуп, что я без труда смог прочесть эти мысли на твоей роже. Еще в таверне. А если вздумаешь делать ноги, – майор безошибочно угадывал мысли, – знай: свинца в тебе будет больше, чем на собаке блох.

Початок с трудом отодрал прилипший к небу язык. Он понял, что проиграл, и проиграл вчистую.

Глава 19

Лысоголовый гриф с раздробленным крылом обреченно тащился неизвестно куда по равнине, пересекая волчью тропу. Тереза перекрестилась: ей стало не по себе. Ковыляние раненой птицы мерещилось ей дурной приметой.

– О, Пресвятая Дева, не покинь меня, – девушка соскочила с уставшего жеребца, умело расстегнула подпруги, стащила седло с потником, наскоро протерла коня травой и, захомотав одну из его передних ног петлей узды, села передохнуть и подкрепиться.

Кругом тянулась ржавчина плешивой равнины с клиньями серо-зеленых лугов. Слева, футах в трехстах пятидесяти, угрюмой полосой лежала южная дорога, прямоком уходящая на запад. В густеющем сумраке умирающего дня тревога сжимала сердце Терезы, но она не рыдала и не роптала. Избранную судьбу она встречала молча, лицом к лицу.

Перво-наперво следовало разжечь костер – крохотный, неприметный; вскипятить воду и побаловать себя кофе.

Она выкопала ножом для костра ямку, скрывающую языки пламени. Валежника и хвоста было вдоволь, перекаленные солнцем ветки низкорослого кустарника валялись повсюду.

От одного вида огня – живого и теплого – на душе стало веселей, и какое-то время девушка лежала, задумчиво глядя на его древнюю пляску. Когда кофе поспел, Тереза дала ему чуть подостыть и затем маленькими глотками принялась потягивать душистый напиток. В седельных подсумках нашелся добрый припас мяса и жареных маисовых зерен, которые были с аппетитом съедены.

Несмотря на голод и одолевавшие беспокойные мысли, она еще разглядывала играющий искрами костер и притаившиеся густые тени. Ее слух остро откликался на непрерывные тихие вздохи ветра и массу других понятных и непонятных звуков альменды.

Закончив трапезу, Тереза еще раз оглянулась. Освещенная красным закатом ближайшая одинокая вершина отчетливо вырисовывалась на голубом небе. Место, где она остановилась, было мрачным и диким. Волнующиеся по-лосы в темной траве свидетельствовали о стайках мелких разбегавшихся зверьков.

Воздух заметно посвежел. Ночь уже вовсю начала обнимать равнины, захороводились звезды, стало прохладно. Тереза поёжилась. Высокогорная мексиканская ночь так же холодна, как жарок полуденный зной.

Она пружинисто поднялась на ноги, не уступая любой индейской скво³⁰, поправила рукояти двух пистолетов, торчащих настороже за чирикахаунским³¹ ремнем, и подошла к коню. Грива жеребца серебрилась в седом свечении луны. Под шкурой перекатывались широкие и тугие пласты мышц.

– Тише, тише, мальчик, – она похлопала его по изо-гнутой шее. Затем перетасила ближе к огню седло, на привалах превращавшееся в подушку, развязала сыромятные шнурки одеяла и завернулась в него, как в кокон. Тереза закрыла глаза, а память уже в который раз начала писать портрет любимого.

Ей вспомнилось, как он, высокий, затянутый в темно-вишневый камзол, подарил ей жемчужину – свой талисман... Как зашвырнул ее, когда она, ошеломленная, не сумела оценить это и даже поблагодарить...

Теперь девушку душила совесть. Как могла она дать отчет чувственному порыву души, перевернувшему в ней всё с ног на голову? Он был подобен песчаной буре, противостояние

³⁰ Скво – индейская женщина.

³¹ Чирикахауа – одно из племен апачей.

которой бессмысленно. Этому властному чувству след отдаваться легко и тихо, отстранив суетливую плоть...

Она это и сделала как умела. Наслаждение от воспоминаний росло и ширилось, сжимая тупой, невыносимо приятной болью сердце и увлекая сладостными грезами куда-то ввысь... Она вспоминала лицо майора, в нем просвечивал беззлобный, подтрунивающий юмор, и теперь отмечала, что он ей пришелся по душе, хотя и не сразу. Восхищала и его хладнокровная сила, ровная и уверенная, какой прежде она не встречала ни в ком.

С того дня, как они расстались, прошло немало времени, немало было и передумано. Для себя она знала твердо: это он, ее мужчина, из-за которого, как говаривала матушка, «у дочки мозги набекрень».

Терезе было восемнадцать, а в Новой Испании это тот возраст, когда девушке уже стоит занозисто подумать о замужестве, да и присмотреться к кому-то... Папаша нет-нет, да и мозолил в ворчании язык: «Смотри, ухвертка, не сидеть бы на бобах! Вечно воротить нос.. как бы от тебя воротить не стали!»

Она смеялась в ответ и сыпала всякую всячину, но в душе верила, твердо верила, что Фатум сведет их. И не ошиблась. Он свел: ее, Терезу, дочку мелкого лавочника, и его – майора кавалерии, дона Диего де Уэльву.

Глядя на алые угли, беглянка вспоминала дом, старую винную стойку, шеренги мелких кружек, большущие счета отца, надутых индюков во дворе и вечно сонных мулов; вспомнила всё до мелочей, знакомых и понятных, всё, что оставила ради него... Возможно, и к лучшему: обратной дороги нет.

Тереза приподнялась на локтях и осмотрелась. В пустошной мгле всё открывалось темным, пугающим; нигде ни шороха, ни тени. Она прислушалась – напрасный труд. Окрест царило затишье. Непробивная хмурица обложила небеса, и лишь далече, на западе, еще едва разглядывалось из-под драного края туч.

Девушка подкинула загодя наломанные ветки, укрылась пестрым одеялом. Здесь, на равнине, ночью она ощутила себя не в своей тарелке, вся съежилась, напряглась, пугаясь колыхательной зыби нависшего слепого небосвода и меркнувших последних отсветов. Теплый очаг родного крова... каким он казался желанным. Наступившая ночь испарила остатки храбрости. Одиночество начало казаться Терезе чем-то осязаемым. Жужжание насекомых пугало, а жалобный лай койота, схожий с плачем ребенка, нагнал на нее страх. «Следующий день, – подумала она, – если Господь не оставит, может быть, пройдет сносно, но еще подобная ночь... доведет меня до сумасшествия».

Она лишь смутно представляла, где находилась эта страна – Калифорния, куда столь стремился зачем-то Диего, а значит, теперь стремилась и она. Единственное, что Тереза узнала, – путь капитана де Аргуэлло начинался из Калифорнии, а до Мехико он добирался по Южному тракту.

С детства мечтала то об одном, то о другом, то о третьем. Фантазии делали ее счастливее и будни радостнее. Теперь ее мечты жили на Западе, где-то там, на другой стороне...

Беглянка наморщила лоб, задумавшись, когда же у нее появился интерес к сильному полу. Думала... но так и не надумала. Хотя... наверное, тогда, когда она впервые ощутила на себе особенный взгляд отца. Признаться, он даже напугал ее. Папаша таранился с тем сладострастием, с каким голодный, сглатывая слюну, глядит на жареную перепелку. Потом... – Тереза улыбнулась, ей вспомнился седой почтальон, ныне покойный, частенько по вечеру заглядывавший в таверну на огонек.

Случилось, что однажды, чинно залив за воротник, он предолго не спускал глаз с дочки Антонио; а позже, когда она подошла рассчитать его, морщинистые пальцы старика пребольно ухватили ее за ягодицу.

Шло время, и Тереза с некоторым беспокойством и изумлением отмечала: подобные взгляды и проявления не столько бесили ее, сколь возбуждали, а подчас и приносили приятное, скрытое волнение.

«Если Господь Бог наградил тебя бабьими козырями, не дергайся! – вразумляла мать. – Два горошка на ложку не бывает. Либо ты горбатая и рябая, либо ходи в синяках».

Уж лучше второе, решила дочка и стойко терпела.

Глядя на звезды, девушка с удивлением отмечала, что случившаяся с ней метаморфоза в манере держаться, ко-гда находишься под прицелом мужских глаз, проявилась без какого-либо умысла; словно какая-то природная тайная сила, однажды пробудившись, искала выход; она прямилась спину, зажигала глаза особливим блеском и бродила внутри беспокойным желанием. Еще три-четыре года назад Тереза не понимала, что происходит с ней, смутно улавливая ноющую потребность души и тела.

И вот недавно, увидев Диего, ощутив прикосновение его рук, она внезапно почувствовала пугающие загадкой, но пронзительные в своей свежести горячие токи. Они взбудоражили плоть, сняли пелену с глаз, заставили испытывать мгновенный трепет и душевное стеснение при одном только виде любимого.

Глава 20

Тереза насторожилась, когда перестала слышать баюкающее хрупание коня. Схватив лежащий у седла пистолет, она привстала на колени. Жеребец, забыв о траве, трепетал ноздрями, устремив свой взгляд в темноту. Мышцы напряглись под пепельным атласом шкуры. Девушка осторожно скинула одеяло, так, чтобы не испугать коня, быстро зашторила им сверху лунку, на дне которой еще виднелся тлеющий пурпур углей.

Тереза судорожно ухватила длинный конец повода, боясь потерять коня: без его быстрых ног на равнинах ожидала верная гибель.

Напряжение животного передалось и ей. Гулко билось сердце, левая рука дрожала, когда она наматывала на запястье ремень, правую оттягивал тяжелый пистолет.

Конь захрапел и шарахнулся в сторону, пугливо выворачивая глаз. Тереза едва не упала, с великим трудом сумев удержать его. Ладони стали холодными: во тьме определенно чувствовалось чье-то присутствие. Захлебываясь молитвой, с напряжением вслушиваясь в окружающий мрак, она не двигалась с места. Глаза лихорадочно обшаривали черные склоны покатых холмов, изучая каждое пятно, примечая любое изменение тени...

Там, впереди, ничто не показывалось, не шевелилось. Но девушка, всю жизнь прожив на глухой окраине Сан-Мартина, давно приучилась не доверять мнимому виду вещей... Как жалела теперь она, что поддалась своей слабости и после еды не перенесла ночлег в другое место. «Дура! Мне стоило спать в темноте, даже без этого крохотного огонька!»

Одно утешение – конь. Он проявлял способностей куда больше, чем всё его длинногривое племя. Выбирать лошадей и мулов ее отец умел на диво. Лошади, каких он от случая к случаю покупал на рынке, были потомством лучших степных кобылиц, покрытых арабскими скакунами. Оттого они и сочетали в себе сообразительность мавританской породы и природное чутье мустанга.

Тереза держалась за гриву, готовая в любой момент вскочить на спину жеребца. Тянулось время... Секунды раздувались в часы. Обкусанная луна на мгновение появлялась и тут же ныряла в аспидную шерсть туч. От напряжения в глазах девушки потемнело, на миг оборвалось дыхание. Луна вместе с альмендой скользнули куда-то вверх... Крепче схватившись за гриву, она с трудом устояла. Волна головокружения отхлынула, однако беглянку не отпустило ощущение, что совсем рядом притаилось нечто.

Загневился ветер, спутал волосы, дико затанцевал среди трав и камней, застонав, будто заблудшая душа. Она резко обернулась – пусто. И тут... где-то в необозримой дали с протяжным надрывом затрубил рог и скорбно отозвалась равнина: глухим эхом, тонущим в знобливой мгле.

Страх, безысходный до крика, переходящий в безумие, сковал плоть, которая коченела и превращалась в камень.

– Нет, нет! – шептали губы. Сырая рубаха прилипла к груди. Внезапно раздались звуки, похоже, исходившие из недр земли: тупые удары и уханье... их сменило змеистое шуршание, словно гигантская ночная тварь передвигала свое тяжистое, в складках тело.

Потрясенная мексиканка накладывала на себя крест, не ведая, что предпринять. Она бросала лихорадочные взгляды, но путь к бегству был отрезан: кругом двигались камни, дрожала земля, кроилась трещинами, осыпалась песком, ровно исполняя чью-то чудовищную волю. Неистовый ветер волок комья глины с травой, отрывая их от земной тверди и кружа в воздухе.

И вновь прозвучал рог, вызвав хор приглушенных стенаний долины, теперь он звучал явственней и ближе.

Сил боле не было. Конь будто врос в землю. Он лишь утробно храпел, поджимая уши и хвост. Какое бы направление ни выбирала Тереза, земля упорно не желала отпускать. Невесть

откуда взявшиеся коряги и сломанные ветви, казалось, проросли частоколом и кружили колдовской каруселью, образуя подобие живой изгороди...

Смуглые щеки, залитые потом и слезами, блестели. Завывания ветра и шум крови сливались воедино. Однако Тереза сумела оседлать обезумевшего жеребца, сомкнуть одеяло и перекинуть седельные сумки.

* * *

С охватившим ее ужасом она боролась, как с диким зверем.

Конь уносил Терезу, молнии гнались следом, колючие спицы дождя кололи тело. Железные когти жара впивались в виски. Мысли сбивались в колтун, и мир кроился, как в кривом зеркале.

Снежная бахрома пены свисала из приоткрытой пасти коня, копыта гремели на запад, но был ли то Южный тракт? Впереди вроде бы должен показаться город Керетаро. Но когда, через несколько часов или дней – она не знала.

Внезапно раздался рев и содрогнулись земля и небо. Жеребец встал на дыбы, в безумстве скаля длинные зубы, а девушка сорвалась вниз, скатившись на дно оврага... Рука горела – от плеча до кончиков пальцев, – дико горела, лютой болью. Тереза рыдала. Покуда карабкалась по крутому склону, теряла сознание раз или два. Черная трава по бровке оврага взлетала и падала, небо сверкало, бедняжка петляла и скользила, точно пьяная. Ей захотелось умереть, когда она, ободранная и грязная, умудрилась выбраться. Единственная надежда – конь – исчез. Ужас светопреставления носился в воздухе.

Казалось, природа сходила с ума: дымились небеса, ярко подсвеченные из пористых туч. Молочная луна над дрожащей равниной блестела, будто фарфор.

И тут Терезу пригнуло к земле, инстинкт предостерег ее, подсказав, что ЭТО совсем рядом. Забыв про ушиб, она упала в изъеденный солнцем колючий войлок трав, прильнула ухом к земле. Потрескавшаяся, та гулко гудела.

НЕЧТО стремительно мчалось с севера на юго-запад. Позже, когда мерцающее пятно приблизилось, лопатки ее похолодели, сухой мороз иглами прошел по спине, а губы прошептали: «Святая Дева, не покинь меня!..»

Это был ОН, ярко светящийся, с бело-зеленым ореолом и пламенеющим мечом в руке. ОН несся по равнине беззвучно, как черный вестник Падшего Ангела, и расстояние между ним и мексиканкой сокращалось с каждым мгновением.

Страх был сильнее боли. Он то резким холодом облизывал тело, то посыпал его горячим пеплом. И Тереза не вскрикнула, не застонала. Она свернулась клубком и судорожно сжала крик.

ЕГО конь остановился – могучий, широкогрудый, с зеленым пламенем вместо хвоста и гривы. Она не дышала: копыта скакуна дьявола рыхлили землю меньше чем в ста футах. Она видела ЕГО светящийся череп вместо лица, черные провалы глазниц, которые, как два колодца времени, взирали во мгlistую даль.

И вновь перекаленная ночь окутала глаза Терезы. Вновь она дралась с болью, пытаясь уговорить разбитое плечо, закусывая мякоть щек зубами. Но лишь опускались веки – глаза омывало кровью.

* * *

Ее разбудила жгучая боль в руке. Боль извивалась в кости. Тереза, собрав все силы, поднялась. Огляделась. Тихо дремала равнина, далекие дубы манили в тень отдохнуть, ручей на дне оврага пенился журчащим хвостом, точно среди камней и травы притаился водяной зверь.

Ничего и никого. Лишь высокий снег облаков в синей воде небес, да оранжевая полоса антилоп, блуждающих у горизонта. Пальцами, словно гребнем, Тереза попыталась поправить волосы. Грязные и спутанные, они походили на переплетенный узел из ивовых прутьев. Ни коня, ни оружия, ни пищи... Сердце ее сжалось, по щекам побежали слезы... Она содрогну-

лась, вспомнив вчерашнее. Сейчас было не лучше: угрюмая степь с убегающим бурым ремнем дороги. Вокруг ни души, кроме щебета птиц и треска цикад.

Слава Богу, неподалеку валялась ее походная сумка. Преодолевая боль, Тереза подошла к ней, расстегнула ремни и пересмотрела свои нехитрые вещи. Их было немного, но теперь, оказавшись в такой глуши, она их очень ценила. Достав полотенце, мыло и черепаший гребень, она побрела к ручью. Но когда, засучив рукава изодранной рубахи, Тереза склонилась над водой, нервы не выдержали.

Рыдания отчаяния, боли и страха сотрясали плечи. Тереза отчетливо поняла: ей никогда не добраться до Калифорнии, страны своего счастья.

Нужно было либо возвращаться в Мехико, либо до-стичь Керетаро. Тереза склонилась к последнему: Керетаро был ближе, и это обстоятельство давало больше надежды выжить.

Часть 2. Кровь на шпорах

Глава 1

Спустя три недели к западному форпосту Мехико на загнанном коне в тучах пыли примчался гонец. Жеребец рухнул у самой заставы, в его распоротых шпорами боках копошились черви.

Гвардейцы свезли ко дворцу вице-королей чуть живого посланца. Лицо его было точно обуглено страхом. Изгвожденный ветром и дождем, он слабо хрипел:

– Срочно... к его высокопреосвященству.

* * *

Каземат королевской тюрьмы освещали два дымных фонаря с языкастыми фитилями; их щедедушный свет насилу сочился сквозь сумрак, напоминая глаза смерти. Сырость капала холодными слезами с каменного потолка. Стены здесь были толстые, в шесть футов³², а тишина напоминала могилу для заживо погребенных.

Гонец брата Лоренсо, монах Габриэль, сразу же после своего донесения был брошен в эту темницу, кишевшую узниками, вшами и крысами, и до кашля, до рвоты вонявшую прелым исподним, мочой и калом.

«За что? Почему?!» – истощенный до крайности брат Габриэль понять не мог. В нем клочкотали злость, недоумение, страх. Перед тем как сомкнуть глаза, он полночи простоял на коленях в тяжелом томлении, обращаясь с мольбой к Господу. Мозг его горел, как открытая рана, голову, что бастион, штурмовали легионы мыслей, которые ломали копыя над одним: «Что задумал Монтуа?»

Монах проснулся оттого, что чьи-то руки торопливо ощупывали его, шарили, раздевали... Он хотел было сопротивляться, кричать, но какой-то оборотень, покрытый струпьями язв, приткнул к его кадыку заточку, в нос ударил смрад гниющих зубов:

– Только не говори никому... рясоносник. Не надо... – Габриэль почувствовал, как кто-то другой разул его.

Холод скользнул и остался ледовой коркой на спине. Отнялся язык. Монах лишь прокивал головой.

Каторжная мразь швырнула ему на глаза какое-то за-вшивленное тряпье и разошлась по углам. Немного отдышавшись, иезуит пересилил отвращение и облачился в лохмотья под писк обнаглевших крыс и смешки колодников.

Габриэль был наслышан о казематах Монтуа, о костоломных пытках, которыми славились эти осклизлые стены, об узниках-людоедах, и его лихорадило...

В углу, у каменной бабы³³ тихо скулили суками вконец опустившиеся; их мучила духота и сырость, боль побоев и сумрак, который навечно прикипел к их глазам, и их стоны тыкались в камни, тщетно ища выхода...

Но жутче они боялись «грандов»: тех, кто ладил с жандармами, тех – чье глухое словцо было папской буллой в подземном мире убийц и висельников. Они могли зарезать «на мясо», могли «посадить на кол», сделав мужчину женщиной; они могли многое; и многое, если не всё, сходило им с рук.

– За что тебя? – тихий, как шорох тряпья, послышался рядом голос. – Ты еще молодой и красивый... и кожа у тебя гладкая...

³² Фут – 12 дюймов, или 30 сантиметров.

³³ Каменная баба – отхожее место (сленг).

Габриэля передернуло. На него таращились раскосые, размалеванные, как у шлюхи, глаза не то женщины, не то мужчины. Бритые заточкой ноги прикрывало подобие юбки: пестрый лоскут с кистями, схваченный на поясе в узел.

– Кто ты? – голос монаха был сдавлен, чуть с дрожью.

– Друзья меня кличут Масиас, а гранды – нежно – Бенита. Я тебе нравлюсь? – он игриво повел выщипанной бровью и шоркнул Габриэля по бедру коленом. Затем, привалившись худым плечом к шершавой стене, принялся ковырять ногти разогнутой серьгой из фальшивого серебра.

– Тише, тише, красавчик, здесь тебя не встретит рай, но я могу подарить тебе свою тайну... как выжить в этих стенах... Клянусь невинностью Девы Марии, тебе понравится это... – цепкие пальцы с обезьяньей ловкостью схватили Габриэля за шею, а к щеке его пиявками присосались влажные губы Масиаса.

Тьма каземата заготовала на разные голоса:

– Прежде всего запомни: не бойся ничего и не волнуйся. Я так вот давно уже обмяк, – визгливо хихикнул кандалник. – Волнуется здесь только он, посмотри! – грязный палец пырнул темноту.

Габриэль судорожно повернулся – у противоположной стены обозначилась большая, что холм, фигура.

– А теперь, рясоносник, поцелуй меня. Здесь скучно давить гнид без баб, а ты легко сойдешь за одну из них. Похоже, у тебя, святоша, давно ничего не было между ног...

Габриэль густо покраснел и погас душой, горько понимая, что оказался среди скотов. Ударом кулака он размазал на помаженные губы Масиаса по зубам. Тот упал, как падает труп: ни крика, ни возгласа.

Все смолкли на миг, точно свинца в рот набрали. А под низким сырым сводом раздался срывающийся голос брата Габриэля:

– Я не знаю кто вы, безбожники, но геенна огненная³⁴ уже уготована вам Небесами. И, клянусь десницей Вседержителя, мне становится жаль вас, грешных, когда я думаю, что ожидает вас за порогом вечности. Опомнитесь, братья мои, Иисус завещал нам...

– Неплохой удар для монаха, но слишком много болтовни... – оборвал его хрипучий голос. – Ты выбил зубы и испортил улыбку нашей Бениты. Поэтому ты заменишь ее нам! Меня зовут Лусио. Иди ко мне, я погрею тебя, святоша! Я ближе, чем твой Христос.

В отблесках фонарей тускло багровело сальное лицо мексиканца, толстое, что задница, обросшая усами. Карие от табака зубы лезли из-под щерившейся самодовольной улыбки. Лусио имел мрачную славу кулачного убийцы и насильника в каменных спальнях королевских под-земелий. Решимость молодого монаха только забавляла его. Откровенно почесывая мошну, он кусал Габриэля волчьим взглядом.

Казалось, каждый волос на голове монаха ожил, зашевелился. Тюремная обезьяна была выше его на две головы.

Каземат затих. Только под гнилой соломой шуршали крысы...

Первый же удар Лусио сбил Габриэля с ног. Ощущение было такое, будто хватили по голове здоровенной булыгой. На какой-то миг сознание поплыло. Точно сквозь колбу, наполненную водой, он видел скалящиеся рожи колодников, похожие на песьи пасти, крупные и мелкие, зубастые и щербатые, изрыгающие скверну.

Лусио всей тушей ахнул на поверженного монаха и должен был раздавить, расплющить его, как першерон или клейдес³⁵ незадачливого наездника, но... обнял лишь шершавую

³⁴ Геенна огненная – ад; название происходит от Гееннской долины близ Иерусалима, куда евреи бросали нечистых животных и трупы преступников, а затем предавали их огню.

³⁵ Першерон, клейдес – разновидности лошадей-тяжеловозов.

каменную плиту. Иезуит выскользнул как угорь, спасла многолетняя выучка Ордена, уверенно вскочил на ноги, занял боевую позицию.

Брат Габриэль был молод – ему не пробило и тридцати, но на его руках и плечахросло довольно мяса, от фехтования мечом и саблей, от возни со скотом и заготовки дров для монастыря – словом, память его держала не только заповеди Создателя...

От ярости мексиканец взревел точно раненый буйвол, но не успел подняться с колен, как удар ногой в висок опрокинул его на спину, а второй, со злобой цепного пса, вгрызся под ребра. Гранд утробно застонал и принялся жадно хватать ртом воздух.

Гогот стих – все были потрясены. Непобедимый Лусио с трудом поднялся, прихватываясь за холодный камень стен. Переведя дух, он более осторожно двинулся на противника, но уже через пару шагов не удержался и стремительно выбросил руку. Монах был начеку: поднырнул под кулак и воткнул свой, проломив мексиканцу нос. Красные ручьи заструились по губам, приведя в полное неистовство Лусио. Ринувшись на Габриэля, сметая всё на своем пути, он бил справа и слева, сверху и снизу... Лицо юноши блестело от крови, хлеставшей из рассеченной брови и лба, однако он продолжал уворачиваться, бросаясь из стороны в сторону, словно в пьяном угаре.

Лусио сцепил черные от курчавых волос кисти рук, превратив их в кулак-молот. Замахнулся... и короткий хлесткий удар впился ему в горло. Он захрипел, качнулся в сторону, закрывая широкой ладонью мясистый подбородок. Боль змеей извивалась в огромном теле. Но остребенившегося монаха уже ничто не могло остановить. Он продолжал насаждать и насаждать с отчаянием смертника, которому нечего терять. Казанки его кулака рассекли мякоть щеки мексиканца до кости. Кровящая рана расползлась во всю скулу, напоминая развороченный спелый арбуз. Этот удар ошеломил Лусио. Слепленный, он еле отыскал противника взглядом, но руки поднять не успел. Удар в подбородок запрокинул ему голову, припечатав затылок к плитам стены.

По каземату прошелся ропот. Каторжники отказывались верить своим глазам.

Неодолимый мексиканец, крепкий, как железо, воткнулся разбитой рожей в пол. Рябая от алых пятен рубаха задралась, и сквозь прореху виднелась смуглая полоса тела.

Голова Габриэля гудела, как бубен, его выворачивало, загнанное дыхание четверговало грудь, царапало легкие, но в нем бурлила такая ярь, что он испугался сам себя.

Полосонув свирепым взглядом притихших висельников, он прорычал:

– Ну... кто следующий?!

Вместо ответа из темноты протянулись знакомые уже, в струпьях, руки и положили к его ногам аккуратно сложенные вещи.

Неожиданно лязгнули засов. Все повернули головы; дверь, плача скрипом, распахнулась, впуская желто-оранжевый клин света. Серdito сверкнули белки жандарма.

– Эй, все к стене! Королевский конвой шутить не любит! Габриэль Канедо! К его высокопреосвященству... Да пошевеливайся, монах!

Глава 2

На фоне древовидной юкки³⁶, кактусов чолья и стэгхорнов³⁷ де Уэльва был незрим. Ярмарочная пестрота зарослей скрывала его вместе с конем от самого цепкого глаза. Зато перед ним долина лежала как на ладони.

Истекал пятый час, как Диего терпеливо ждал появления тех, кто упорно шел по его следу. Он умел ждать и готов был поставить сотню против одного, что встреча с «гостями» у него обязательно состоится, покуда же природа замерла, словно выжидая чего-то...

В пестрой тени засады шныряли муравьи. Юркие и злые, они проникали в ботфорты, за воротник и кусались, как дьяволы. В конце концов де Уэльва не выдержал и занял позицию на солнцепеке.

Вокруг мерно шелестела листва, и где-то время от времени сонно возмущался ворон.

Майор потянулся, зевнул и подумал, что Антонио под строгим оком братьев Гонсалес и Мигеля уже далеко отогнал карету и, должно быть, повернул на Южный тракт. «Лишь бы не столкнулись лбами с повстанцами... Это зверье вразумляет только свинец, а любая драка для нас сейчас – гибель!..» Курить хотелось до одури, но дон Диего не позволял себе эту слабость. Любой пустяк мог испортить дело, а он был суверен. На память пришел Бертран, сверкающий золочеными ножнами и глазами. «Как там полковник? Храни его Бог!...»

Солнце взобралось еще невысоко, но жара терзала безжалостно. Он вытащил из-под камня кавалерийскую фляжку – ключевая вода, набранная Мигелем еще по росе, была студенной до ломоты зубов и вкусной.

«Всё же правильно, что я не потакнул настояниям Мигеля остаться со мной. Там он будет полезней, а тут...» – де Уэльва перевел взгляд с пустынной долины на природный бруствер³⁸, за которым занял позицию. Перед ним на ка-менистом гребешке покоились три седельных пистолета, рог с порохом, горсть пуль и добрый французский оленебой, стрельба из которого всегда была его душевной усладой.

Диего еще пил воду, когда поведение кактусовых вьюрков заставило насторожиться. Не меняя положения, он стал всматриваться в кудрявую шеренгу низкорослого кустарника, покрывавшего левый склон бурой долины. Именно там ныряли вверх и вниз птахи, беспокойным щебетом оглашая окрестность.

Прошла минута, другая. Мохнатый шмель басисто прогудел на васильковую ладонь цветка, согнув стебелек в три погибели... Майор начинал нервничать: он так и не мог разглядеть причину волнения птиц. Осторожно придвинув кавалерийский подсумок, он извлек складную подзорную трубу. Стекла у нее были славные: голландской ручной шлифовки. Теперь дальние кусты и птицы были перед его носом. Сердцевидные листья едва прикрывали макушку идущего. Диего долго еще и въедливо обшаривал каждый ярд³⁹, каждый дюйм... Убирая трубу, он мог дать голову на отсечение – человек шел один...

«Тем лучше...» – де Уэльва спокойно приложил оленебой к плечу; мушка поймала прыгающий лоб и, на глаз, опустилась до уровня рта. Майор ни на йоту не колебался. Враг жаждал его смерти – пусть так, но жизнь его будет стоить недешево. Палец уверенно обнял спусковой крючок...

³⁶ Юкка (Yucca) – род растений из семейства лилейных; существует около 20 видов в центральных частях Америки.

³⁷ Стэгхорн – «роголистный папоротник». (Прим. автора).

³⁸ Бруствер – вал для защиты гарнизона от неприятельских выстрелов.

³⁹ Ярды – равен 3 футам, 36 дюймам, или 91 сантиметру.

Глава 3

– Какой еще, к черту, «дьявол»?! – вице-король яростно стукнул по столу. – Расскажи это моим сапогам, и те будут смеяться! – он повернулся к Монтуа и, сузив глаза, прошипел: – Я потратил уже уйму государственного времени, монсеньор, уйму! – герцог метнул злой взгляд на подвешенного на дыбе Габриэля. – И вместо истины слышу какой-то бред! А меня, черт возьми, ждут неотложные дела страны!

– Черные думы – плохие советники, ваше высокопревосходительство. Гордыня не угодна Господу. Сиюминутные дела подождут... время думать о главном... – падре Монтуа многообещающе улыбнулся: – Он заговорит у меня, вот увидите.

По вялому взмаху руки иезуита палач крутнул ворот пыточного колеса. С жутким стоном хрустнули выворачиваемые кости, босые ноги зависли над полом.

– Во имя Иисуса Христа и своего спасения, поведай нам, брат Габриэль, правду!

Потускневшие глаза молодого монаха безжизненно смотрели на своего генерала. Лицо приняло землистый оттенок, на нем покоилась гнетущая тень боли и горечи. Изгрызанное муками, оно постарело, стало изношенным и страшным. Небритые колючие щеки ввалились, на шее уластными веревками вздулись жилы.

Молчание затягивалось. Дюжий палач в тревожном ожидании потирал крепкие, в черных трещинах, с обгрызанными ногтями пальцы, украдкой поглядывая то на угрюмого вице-короля, то на подвешенного узника.

– Что ж, каждая овца висит на своей ноге... У каждой свой крюк. – Генерал иезуитов вновь подал знак. Кнут из бычьих жил дважды со свистом впился в губы Габриэля.

Лопнула кожа, и кровь заструилась на плиты. Перебирая четки, Монтуа ровно молвил:

– Не упорствуй, сын мой, говори, кто напал на вас, почему упустили мадридского гонца, где брат Лоренсо?..

– Хорошо... Я скажу правду, – едва шевеля вздувшимися красными лохмотьями губ, пролепетал юноша.

Все напряглись: ни звука, лишь стук сердец и дыхание.

– Брат Лоренсо продолжает идти по следу... Мы долго не могли напасть... Потому как он был под охраной солдат полковника Бертрана... А за Пачукой... Мы встретились с НИМ... – Габриэль сцедил красную нитку слюны, тяжело вздохнул... – ЕГО меч поражал любого. В отряде осталось двенадцать человек... Это всё, что я знаю, мой генерал... С этим Лоренсо послал меня в Мехико.

– Мерзавец! Он вновь повторил то, что мы уже слышали десять раз! – сигара рассыпалась в пальцах Кальехи.

Взлетела плеть и опоясала терновым венком голову узника, уже не чувствовавшего боли... Когда цепь опустилась, тело брата Габриэля безжизненно рухнуло на камень.

* * *

В покоях Малого кабинета Кальеха дал себе волю:

– Ну, что вы скажете, Монтуа?! Что? Вы верите в бред этого слдохшего пса?

– На мою долю не выпало счастья щелкать орехи... Вице-король – вы, а не я, ваше высокопревосходительство... вам и отвечать, если что... – четки мерно свершали свой ход по кругу.

И когда Кальеха готов был обрушиться на святого отца во всей силе своего гнева, тот тихо, но твердо продолжил:

– Кто теряет разум с утра, тот к вечеру совсем глупеет. Жизнь несется вперед, ваше высокопревосходительство, как горная речка, и мы в сей стремнине не более как щепки.

– Что вы этим хотите сказать?!

– Фатум! Все в руках Фатума, герцог. Но я успокою вас,– в голосе Монтуа зазвенел металл.– Орден всегда берет гребень по волосам. Был бы меч, а с ним везде можно пробить дорогу.

– Бросьте вашу иносказательность, падре! Она вот где у меня,– вице-король схватил себя за горло.– Довольно! Сыт! Говорите по существу!

– По существу!.. – Монтуа хищно обнажил шеренгу мелких зубов.– По существу – брат Лоренсо и есть тот меч, который снесет голову майора де Уэльвы.

– Dios garde a usted⁴⁰, монсеньор! – Кальеха дель Рэй, не поднимая более глаз на Монтуа, принялся обрезать сигару золотым ножом. Веря, что люди падре выполняют приказ неукоснительно, герцог попытался выбросить андалузца из головы.

⁴⁰ Dios garde a usted – Храни вас Господь (исп.).

Глава 4

В глазах рябил неясный, расплывчатый строй непроглядного кустарника. Струи горячего, порой густого, как сироп, воздуха, настоенного на травах, омывали лицо.

Приближающийся шорох шагов охлаждал грудь майора.

Ветки хрустнули... Из цветов прыснули перепуганные кузнечики. Диего держал звериную тропу на прицеле, примечая малейшие изменения листвы. Испарина покрывала напряженные скулы. Еще шаг, второй, последний...

Голос пропал, язык застыл в горле. Точно во сне он медленно опустил ружье... перед ним была Тереза. Исцарапанная, в изодранной юбке, она стояла напряженная, готовая ко всему и... тряслась от испуга.

Откинув оленебой в траву, он бросился навстречу. Она припала к его груди, рыдания не давали ей говорить. Вся плоть была словно единый клубок переживаний; дыхание дерганое, стиснутое, точно белка в руке.

Де Уэльва крепче обнял ее плечи, привлек к себе. Тереза подчинилась, прежней скованности в девушке не было.

Он не заметил, как его правое бедро исподволь прижалось к ее бедру. Тереза не отодвинулась, не встрепенулась. Она молчала и пристально смотрела на него. Так, впитывая друг друга глазами, они стояли Бог знает сколько.

Ветер стих, будто канул. Над гребнями пенных волн белоцвета порхали бабочки пестро и беззаботно, как в детстве.

К ручью, что бежал голубым шнурком через долину, робко из-за холма выходил табунок вилорогих антилоп; среди камней шныряли пустынные зайцы и сурки. И над всей красотой золотого дня кружил белохвостый орел, то близкий, то страшно далекий и сирий, как само одиночество.

Диего поймал себя на том, что дыхание у него нарушилось. Ему вдруг захотелось сказать что-то нежное, успокаивающее, но в густой бирюзе ее глаз он увидел немую мольбу: «Молчи, не надо никаких слов...»

Тереза покачнулась. Жаркий, пахнувший молоком аромат дыхания лизнул де Уэльву. В голове всё поплыло, сплошное золотистое пятно и две карминовые полосы губ... Его ладонь заполнила грудь – непонятная, тугая, прекрасная. Тысячи крохотных стрел блаженства протыкали до дрожи, сводили с ума...

Ее пальцы запутались в его волосах. Шляпа упала рядом. Душа была распахнута для любимого открыто и чисто, как лепестки весеннего цветка.

– Убери, – шепнула Тереза, – она мешает тебе и мне.

И, не дожидаясь ответа, сама отстегнула шпагу.

У майора слабо мелькнула мысль о возможной опасности, но он похоронил ее под волнами чувств и желаний.

* * *

Их ложе из цветов и трав окружали зеленые стены зарослей, крышу алькова заменяло синее небо, в котором купались, звенели быстрые птицы.

– Погоди, я помогу тебе, – пальцы Терезы быстро расстегивали камзол, снимали ремень портупей...

Майор стянул врезавшуюся под мышки сорочку, высоко вздохнул. Ботфорты слетели на землю.

– Я сейчас, – улыбнулась она, встала и, не говоря ни слова, принялась раздеваться.

Тереза расшнуровала корсет, сбросила его, следом упала юбка, приглушенно шелкнула застежка пояса...

Диего потерял самого себя. Казалось, остались только глаза, живые, что ртуть. Они неотрывно смотрели и запоминали Терезу, запоминали навсегда. Он издали любовался ее ягодичками, прямой спиной и длинными сильными ногами – Тереза спустилась к звенящему в овраге ключу. Через какое-то время она вышла из темной листвы, чуть покачивая бедрами.

Девушка подошла к нему, присела на корточки, слегка откинув голову:

– Любимый, – в тишине знойного полдня голос ее прозвучал мелодично и, как показалась де Уэльве, влажно. Он протянул руки. Ладони их дотронулись друг до друга, пальцы сплелись. Диего ощутил непредвиденную силу в обманчивой легкости ее рук.

– Ты любишь меня?.. – губы Терезы прижались к его виску. – Я тоже.

«Господи, благодарю Тебя, я с ним...» – слезы блеснули в глазах девушки.

– Я хочу, я хочу... чтобы тебе было приятно. Слышишь? – она сильнее прижалась. – Только не говори ничего... и не думай... Знай, я люблю тебя.

Он снова ощутил свежее дыхание Терезы. Обнаженное тело плавно подалось вперед. Круглые груди коснулись его лица стянувшимися кофейными сосками, упругую прохладу которых ощутили губы. Чуть выше левой ключицы лазоревыми ниточками бежали две жилки, ныряя в кремовую смуглость плеча.

Де Уэльве вновь отчаянно захотелось сказать что-то особенное, но язык безмолвствовал. Майор ласково целовал ее шею.

Пальцы Терезы скользили по его лбу, щекам, зарывались в волосы, не находили места и вновь бежали, будто гонимые слепые в трепетном смятении, по дорогим тропинкам лица...

Блаженное состояние счастья набирало горную высоту. Вязким нескончаемым потоком оно ручьило от головы к ногам, а от ног к голове...

– Тебе, правда, сладко со мной?

Вместо ответа он неестественно дернул головой и уткнулся в ее плечо, придавив всей тяжестью тела.

Она открыла глаза и обомлела – кровь бежала по пробору и волосам Диего, часто капая ей на шею. Только теперь она услышала встревоженный храп иноходца дона, скрытого в зарослях. Темно-медная мускулистая рука схватила ее за волосы и рванула на себя.

Глава 5

Первый раз нить паутины, которую плел Монтуа, вы-скальзывала из его рук. Выскальзывала из рук человека, койй был прирожденным интриганом и досконально разобрался в политических хитросплетениях, как лис в заячьих норах.

Двадцать лучших монахов-воинов во главе с братом Лоренсо были брошены им в погоню за андалузцем. Но пока ползла лишь черная полоса неудач. «Что делать? –Генерал иезуитов начинал не на шутку волноваться.– Не дай Бог, этот гонец и впрямь доберется до Калифорнии. Заклятый враг! Он наломает дров! Спутает карты!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.